

ОБРЯД КРОВИ

18+

Анастасия Кова

18+

Хроники Селестарии

Анастасия Кова

Обряд Крови

«Автор»

2026

Кова А.

Обряд Крови / А. Кова — «Автор», 2026 — (Хроники Селестарии)

Королевством Морвейн больше тысячи лет правят вампиры, а люди платят за мирное существование кровью и своими дочерьми. В начале каждого светского сезона проводится Обряд крови, где каждый желающий вампир волен выбрать себе смертную невесту. Ливиана Грейвз — незаконнорожденная сирота, и у нее есть лишь одна возможность получить право на достойную жизнь — пройти Обряд и стать супругой вампира. Дерек Вальсерар — кронпринц Морвейна. Он пренебрегает правилами и отвергает традиции — в особенности ту, что обязывает его взять себе человеческую фаворитку. Она не потерпит неудачи. Он не намерен следовать обычаям предков. Но когда их пути пересекаются, они вынуждены заключить союз. Однако вскоре Ливиана и Дерек понимают, что правила устанавливает кто-то другой, а они — лишь пешки в жестокой игре, где на кону сама жизнь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анастасия Кова

Обряд Крови

Глава 1

С самого утра шел дождь. Ветер был настолько сильным, что капли врезались в окна, угрожая разбить прекрасные витражи моего дяди Мортимера Грейвза, которыми он гордится больше, чем своими детьми. Прекрасные композиции в виде цветов орхидей, выложенных разноцветным стеклом, завораживали и наполняли комнату светом даже в этот хмурый день, но их затейливые узоры все же не могли вывести меня из задумчивости.

Сегодня мой день рождения. Для многих такой день — повод для счастья и празднеств, но для меня он стал самым печальным в году. Восемнадцать лет назад в этот день умерла моя мама, и не менее трагичным было то, что ее не стало спустя пару часов после моего появления на свет. У меня не было шанса узнать, что такое материнская любовь. Я спрашивала дядю о том, как именно все произошло, с тех самых пор, как вообще начала понимать хоть что-то в этой жизни. И только в мой пятнадцатый день рождения он сдался и решил рассказать мне правду.

Моя мать, Розалинд, была старшей дочерью в семье преуспевающих торговцев и настоящей красавицей. Семья Грейвз славилась своим трудолюбием и умением делать деньги на продаже стекла, которое привозили из соседнего королевства, расположенного на острове Эвениан. Сами эвенианцы ни черта не смыслили в торговле, поэтому сотрудничали с нашей семьей на протяжении уже трех поколений: сейчас — с дядей.

По традиции, истоки которой ведут еще к первому темнорожденному королю-вампиру, в восемнадцать лет моя мать прошла ежегодный Обряд Крови и впоследствии была представлена самому королю как кандидатка в невесты. Все в семье верили, что она пройдет Отбор и станет не просто фавориткой Его Величества, а королевой и подарит короне еще одного наследника, но в течение года моя мать так и не понесла. Она вернулась в семью опозоренной, ибо нет ничего хуже, чем быть выбранной для такой важной миссии, как продолжение королевского рода, и провалить ее.

Мама стала похожей на тень. Ее красота никуда не делась, но свет в душе померк. Ситуацию осложняло отношение общества к таким, как она: опозоренным и отвергнутым. На них переставали смотреть, их более не приглашали на балы или приватные чаепития. Не было никакой возможности устроить дальнейшую жизнь — выгодно выйти замуж и продолжить род. Такие женщины для общества просто исчезали, но самое страшное — они становились обузой для собственной семьи.

Постепенно моя мама обрела смысл, трудясь на благо семьи — участвуя в семейном деле. Она начала помогать своему отцу — моему деду Арчибальду Грейвзу — в работе с магами-целителями, которых заинтересовали прекрасные колбы и реторты из эвенианского стекла. Дядя признался мне, что их отец даже подумывал выдать ее замуж за своего секретаря-вдовца, чтобы сделать того партнером. Но его планам не суждено было сбыться: вскоре мама уже не могла скрывать своей беременности, и деду пришлось посадить ее под замок.

Никто не знал, кем был мой отец. Маму ни разу не видели с мужчиной, а места, которые она посещала изо дня в день, можно было пересчитать по пальцам. Никто не объявился на пороге, ни когда родилась я, ни когда хоронили маму. И я даже не знаю, жив мой отец или мертв, но во мне все еще живет надежда узнать, кто он. Хотя шансов почти нет, ведь за личной жизнью бывших фавориток короля особо не следили, ибо считали их бесплодными. Мол, в подоле эта женщина точно не принесет. Но моя мать и тут отличилась — зачала и родила дитя

от мужчины, личина которого так и осталась неизвестной для всей семьи. И при этом оставила своего ребенка жить в мире, где ему совершенно не было места.

Я незаконнорожденная дочь потерпевшей поражение фаворитки короля. И сегодня мне исполняется восемнадцать лет...

В дверь постучали, и я вздрогнула, чуть не свалившись с софы, стоящей у окна.

— Войдите! — прикрикнула я, специально повысив голос, чтобы стоявшему за дверью было слышно.

В комнату несмело протиснулась одна из служанок — Анна.

— Мистер Грейвз ждет вас в своем кабинете, мисс, — быстро пролепетала она, выдавив сочувственную улыбку.

— Скажи дяде, что я скоро поднимусь, — ответила я, отворачиваясь к окну. Раз дядя позвал меня, значит, нужно совершить задуманное как можно скорее.

Библиотека всегда была моим любимым местом в доме. В солнечные дни свет проникал в помещение через разноцветное витражное стекло, и его цветочный узор всегда успокаивал меня своими плавными линиями. Три остальные стены комнаты являли собой шкафы из темно-коричневого дерева. В них хранилось семейное собрание книг — то, ради чего я и пришла. Я всегда приходила сюда в день рождения и брала одну из любимых мамой книг, чтобы весь следующий год перечитывать ее, пока все тайные смыслы и задумки автора не станут явными для меня. Возможно, это глупая традиция, но так я ощущала, что становлюсь ближе к ней.

Поднявшись с софы и подойдя к небольшой полке, которая явно отличалась от остальных — огромных стеллажей до потолка, — я обвела ее взглядом. Порядок расположения книг не изменился с тех самых пор, когда их читала мама, да и новыми изданиями она с того момента не пополнялась. Я вернула на место книгу, которую зачитывала до дыр весь прошлый год, и потянулась за следующей. Но вдруг, пока я снимала ее с полки, из глубины прямо в мои руки упала небольшая записная книжка в мягком кожаном переплете, перевязанная шнурком. Оглядев предмет, оказавшийся у меня в руках, я поняла, что обнаружила на полке коробочку, которая была очень искусно замаскирована под книгу, а внутри нее оказалось пустое пространство, в котором, видимо, и была спрятана эта записная книжечка. Я подняла ее с пола, покрутила в руках в поисках ответа на свой немой вопрос и остолбенела, отказываясь верить увиденному. Надпись на корешке гласила: «Дневник Розалинд».

«Нет, этого не может быть! Мамин дневник?»

Мое сердце забилося гораздо быстрее, а из-за возникшего внутри волнения я забыла, как дышать. Я с трепетом прикоснулась к буквам на первом листе, ведь их вывела мамина рука, словно прямо сейчас я могла ощутить ее тепло. Знал ли о дневнике дядя? Мне кажется, нет. Ведь если бы он знал, то вряд ли хранил бы дневник в библиотеке, куда мог зайти каждый, взять его и прочесть то сокровенное, о чем писала мама. А может, дядя оставил книжицу здесь, потому что ничего интересного там нет? Может, это всего лишь скучные мысли девочки-подростка и ее раздумья о жизни еще до того, как она стала невестой вампира? Или, может, эти страницы остались пусты...

Последнюю мысль я опровергла сразу же, пролистав все страницы этой небольшой книжицы и успев убедиться, что записи в ней точно есть. А уж в какой период жизни мама вела свой дневник, мне было не важно. Я ощутила, как в груди разливается всепоглощающая радость, а на лице непроизвольно появилась моя самая широкая улыбка. И уже предвкушая, что буду медленно вчитываться в каждое слово, я представляла, как мама писала его... Я тряхнула головой, прогоняя мысли, и быстро оглянулась на дверь, словно воровка, проверяющая, не застал ли ее кто-нибудь за преступлением. Вспомнив, что дядя ждет меня в кабинете, я спрятала дневник в маленькую наплечную сумку, которуюхватила с собой, и торопливо вышла из библиотеки.

Кабинет главы семьи находился на втором этаже в западном крыле особняка, тогда как все личные покои располагались в восточном. Моя же комната была не рядом с семьей дяди, а на третьем этаже — в гостевом крыле. Да, моя опочивальня больше походила на комнату для гостя, который лишь на пару дней приехал в этой богатый дом и скоро вернется восвояси, но я занимаю ее уже довольно давно — с тех самых пор, как съехала из общей детской, которую делила с кухней Ариеттой.

На самом деле, в тот момент, когда мое вынужденное соседство со старшей дочерью дяди закончилось, я испытала облегчение. Не скажу, что мы враждовали, но Ари всегда относилась ко мне с заносчивостью, присущей, наверное, всем наследникам богатых родителей. Она всем своим поведением показывала, что лучше меня, выше по положению и что к ее-то происхождению нет никаких вопросов.

Кухня вела себя так по отношению ко мне не только из-за своего характера, но и потому, что подобное поведение весьма поощрялось ее матерью — женой моего дяди, Алисией Грейвз. И как только я приблизилась к кабинету на достаточное расстояние, то отчетливо услышала голос последней даже через закрытую дверь.

— Не смей этого делать! — довольно возмущенно кричала тетя. — Ты хотя бы подумал о нашей Ариетте? Как это повлияет на нее?

За дверью зазвучал тихий баритон, но, как и всегда, в ответ на яркие вспышки эмоций своей жены дядя Мортимер отвечал тихо и рассудительно, не позволяя себе вестись на провокации. И поэтому я не смогла расслышать, что именно он сказал ей в ответ.

— Она не должна участвовать в Обряде, Мортимер! — Голос тети Алисии сорвался. — Она незаконная дочь твоей падшей сестры и не имеет права быть представленной лучшим женихам. Эта девчонка разрушит все, над чем мы так упорно трудились столько лет. Как ты не понимаешь?

Голос Алисии почти перешел в плач. Значит, это был последний аккорд в пьесе, которую она разыгрывала перед дядей в надежде, что он пойдет у нее на поводу.

Я уже вплотную приблизилась к двери и была готова войти, но ждала подходящего момента.

— Алисия, мы уже это обсуждали — и не раз, — медленно, но уверенно произнес дядя. — Я принял решение и не отменю его. Все бумаги об участии Ливианы и Ариетты в Обряде сегодняшним утром отправились к Верховным хранителям. Как только состоится рассмотрение и они дадут свой ответ, я обязательно тебе сообщу.

Именно в этот момент я решила, что дядю пора спасать, и постучала. Сразу после короткого «Войдите» я распахнула дверь и шагнула внутрь. Меня тут же окатила волна презрения. Взгляд серых глаз тети устремился на меня — не такой холодный, как всегда, ведь сейчас ей все еще мешали непролитые слезы, а щеки покрывал румянец возмущения. Но я знала: вестись на это не стоит, ибо Алисия всегда была талантливой актрисой. Весь ее вид сейчас — от ярких волос, элегантно уложенных в высокую прическу, до подола домашнего синего платья — указывал на готовность ко второму акту.

Эта женщина обладала не только холодной красотой, но и острым умом. Она знала, что уже проиграла эту битву, но точно не была намерена проигрывать всю войну. Не сказав больше ни слова, а лишь выразительно посмотрев на своего мужа, тетя прошла мимо меня в распахнутую дверь. Я только и успела присесть в вежливом приветствии — а ее уже и не было в кабинете.

— Дядя, вы меня звали? — Я снова присела и подняла глаза на мужчину, который стоял за столом темного красного дерева, расположенного посередине комнаты.

— Ливиана, проходи. Присаживайся.

Кабинет был небольшим, но выглядел дорого и по-мужски. Обстановка здесь не менялась со времен моего деда. В самом центре стояли стол и два стула для посетителей. Справа от входа вдоль стены от пола до потолка тянулись длинные стеллажи, на которых были расставлены книги. Но если в общей библиотеке можно было найти занимательные художественные рассказы и повести, то эти книги носили чисто деловой характер. Я была уверена: открой я любую из них, не пойму ни слова. Пол кабинета был покрыт ковром в тон стенам — довольно аскетичным, без рисунков — в отличие от других, что находились в жилых комнатах. В углу у окна располагался небольшой столик с напитками, и дядя подошел к нему, пока я устраивалась на стуле.

Дядя явно собирался с духом. Он налил себе в стакан какую-то янтарную жидкость и вернулся за стол. Я предполагала, что дядя может заговорить со мной о моем дне рождения или о смерти мамы. А может, он сразу перейдет к делу и захочет обсудить мое участие в Обряде. Я была готова к разговору на любую тему, которую он выберет. Сидя на стуле, я приняла самый добродушный вид, на который только была способна.

— Я знаю, сегодня такой... сложный день, — начал дядя, потупив взгляд, — что, наверное, ты не захочешь обсуждать свое участие в Обряде, но... — Он замолчал, тщательно подбирая слова, чтобы продолжить. Дядя Мортимер то и дело запуская пальцы в свои заметно поседевшие волосы и с каждой минутой волновался все больше, а мне захотелось прийти ему на помощь.

— Дядя, не волнуйтесь. Я понимаю, что нынешний год особенный. Мне исполнилось восемнадцать. И вы, видимо, приняли решение насчет моего будущего, — проговорила я тихим спокойным тоном, соответствовавшим милому образу, который я так старательно выстраивала. В общем, пела, точно птичка, перед ним.

Да, я уже слышала, что дядя отправил прошение об участии и от моего имени, и от имени кухни, которой восемнадцать исполнилось еще в начале года, но не стала говорить ему об этом. Подслушать ссору своих опекунов — совсем не тот поступок, которым можно похвастаться.

— Да, принял. — Сказал, как отрезал. А потом дядя посмотрел прямо на меня, и его лицо вмиг стало серьезным. — Ливиана, несмотря на обстоятельства твоего рождения, ты Грейвз. — Так он начал свою речь, будто выступал перед толпой подчиненных. — Поэтому я решил, что твое участие в Обряде обязательно.

Волна приятного предвкушения чуть не затопила меня. Этого я ожидала. Даже хотела! Зная, что моя мама в свое время удостоилась чести быть фавориткой короля, я полагала, что имею неплохие шансы стать достойной супругой какого-нибудь богатого вампира. Возможно — если мне повезет — даже дворянского рода.

Породниться с вампирской элитой было одним из заветных желаний моей семьи. И если я, незаконнорожденная сирота, вступлю в брак и свяжу род Грейвзов родственными узами с дворянством королевства Морвейн, никто не посмеет сказать обо мне худого слова или косо посмотреть на меня. Благо вампирам нет дела до статуса невест: главное для них — это наша кровь и способность выносить вампирское дитя. И если моя кровь не хуже маминой, то я стану объектом гордости для своей семьи, а не постыдным пятном на ее репутации.

Но я не смела открыто проявить радость. Поэтому, сложив руки на коленях, кротко улыбнулась и произнесла:

— Дядя Мортимер, для меня будет наивысшей честью участвовать в Обряде. — Я посмотрела ему прямо в глаза, чтобы у него не возникло сомнений в моей решимости. Судя по тому, как расправились его плечи и разгладились морщинки на лбу, дядя остался доволен.

— Одновременно с тобой принимать участие во всем этом будет Ариетта. — Он нервно взмахнул руками, по-видимому, под «всем этим» имея в виду целую череду мероприятий, предшествующих балу в день зимнего Солнцестояния, на котором объявляют имена фаво-

ритки короля и будущих жен вампирской знати. — Вы два алмаза нашего рода, обе прелестны и правильно обучены. Я уверен, что каждая из вас обязательно найдет себе пару!

Дядя явно был очень рад этой перспективе. То, чего не смогла моя мать, возможно, делает его дочь — либо я. Благодаря его деловой хватке шансы на успех в Обряде Крови при моем участии увеличивались. Шанс заполучить титулованного зятя — цель, которой не достиг еще ни один глава семьи Грейвз. Но, судя по недавней сцене в этом кабинете, тетя явно другого мнения: она однозначно против моего участия.

Мне придется ее разочаровать: я не намерена выпускать из рук такую возможность обрести достойную жизнь, чего бы мне это ни стоило. Перспектива прожить всю жизнь в семье дяди душила меня, стоило только об этом подумать. Из-за моего происхождения ни один достойный человек не возьмет меня в жены. Выйти замуж за вампира — мой единственный шанс избавиться от статуса бастарда семьи Грейвз.

Миры людей и вампиров четко разделены. Наша жизнь чаще всего тяжела, связана с ручным трудом, и далеко не все могут позволить себе собственный дом, дать детям образование или лечиться у магов-целителей. Чаще всего работяги живут в общих домах по несколько семей; родители работают, а старшие дети присматривают за младшими и занимаются мелкими делами по хозяйству.

Такие семьи, как моя, — скорее исключение из правил. В королевстве Морвейн на престоле уже больше тысячи лет сидят вампиры. Благодаря долгой жизни и физическому превосходству над людьми они смогли объединить разрозненные провинции в единое процветающее государство. Люди смирились и научились выживать в мире, где явно оказались в самом низу пищевой цепочки. В королевстве, помимо обычных людей, жили и маги. Они обладали уникальными способностями к управлению стихиями и целительству. Их миссия заключалась в поддержании баланса этого мира, но Верховные хранители — те, кто стоял во главе всех магов королевства, — потворствовали вампирской власти и поддерживали ее всеми силами.

— Несомненно, дядя. Представлять семью Грейвз на таком важном для всего королевства событии — неслыханная радость для меня. — И опять-таки я ничуть не врала: говорила прямо от всего сердца.

— Однако я бы не хотел, чтобы ты стремилась попасть в фаворитки короля. До нас, правда, еще не дошли сведения, будет ли Его Величество в этом году выбирать кого-то для себя. Ни одна из его последних избранниц так и не родила наследника... — прочистив горло, с небольшим смущением продолжил дядя. — И целители сходятся во мнении, что на это влияет не только сила крови девушек, но и возраст самого короля. Все-таки в этом году мы отметили триста пятьдесят седьмой год рождения Его Величества Теодора.

Осознав возраст короля, я замерла. Не пройдет и сотни лет, как он начнет угасать. В чем причина смерти, казалось бы, бессмертных существ, я не знала. Но мало кто из вампиров в Морвейне доживал до пятисот лет. В таком возрасте Его Величеству пора не самому наследников клепать, а с внуками нянчиться... Но, насколько я знаю, принцу — единственному отпрыску Теодора Вальсерара — еще не приходилось участвовать в Обряде. Было ли то желанием самого принца или его отца, неизвестно.

— Но, если что, я тебе этого не говорил. — Дядя усмехнулся, отпил из бокала и немного расслабился.

— Я никому не скажу, дядя! И я ни в коем случае не буду стремиться занять место королевской фаворитки. — И тут я тоже не кривила душой. Стать фавориткой Его Величества — это, несомненно, самая высокая честь, которая может быть дарована девушке, но... это не дает никаких гарантий в будущем, и далеко ходить за примером не надо: судьба моей матери — неоспоримое тому доказательство.

Вы спросите, почему король или кронпринц не выбирают сразу жену? Все дело в наследии. Рождение потомка для королевской династии — вопрос будущего, которое ожидает пре-

стол. Если женщина станет королевой, но окажется неспособной выносить дитя, род монарха может прерваться, а этого никак не могли допустить. Поэтому каждый король или кронпринц сперва выбирает фаворитку — не для венчания, а для испытания: сможет ли ее тело принять семя тьмы и дать жизнь бессмертному наследнику? Лишь та, что подарит монарху ребенка, удостоивается права стать его законной супругой и обрести бессмертие, став вампиром. Если, конечно, сама этого пожелает. Хотя и тут бывают исключения... Мать нынешнего кронпринца Дерекка — леди Элириса — отказалась от обращения. Ее душа жаждала света, а не вечной ночи. Она прожила достойную, но смертную жизнь, и ушла в мир иной в возрасте шестидесяти трех лет.

В отличие от монархов, остальным представителям вампирского вида позволено вступать в брак без предварительных испытаний. Им не требуется годичный срок ожидания, чтобы проверить, способна ли избранница продолжить род. Подобные союзы чаще всего заключаются по расчету: ради укрепления связей, объединения древних фамилий, приумножения богатств или расширения влияния. И все же, если речь идет о продолжении рода, семьи с древней кровью вампиров нередко прибегают к тайным испытаниям или обращаются к Хранителям, чтобы удостовериться в так называемой плодовитости девушки. Но когда сомнений в силе крови девушки нет, брак скрепляется без промедления.

— Никто из нас не хотел бы повторения ситуации, которая произошла с твоей покойной матушкой. То, что случилось с Розалинд после года с королем... — Дядя замолчал на середине фразы. Он уставился в одну точку, и его улыбка сошла на нет.

Я знала, что он очень любил свою старшую сестру и сильно сожалел о случившемся. С детства они, несмотря на разницу в возрасте, были как близнецы, которым не хватало родительской заботы и любви. Их отец был не слишком добр к своим детям, и это оставило заметный отпечаток на их судьбах. А мать — моя бабушка Катарина, — хоть и старалась проявлять заботу, была слабой здоровьем женщиной: она не могла дать детям столько любви, сколько было им необходимо. И с каждым годом связь между ними — сестрой и братом — росла и крепла.

— Дядя, не нужно предаваться этим мрачным воспоминаниям сегодня, — попыталась я отвлечь его от грустных дум.

— Да, ты права. Ведь сегодня твой день рождения! Не думала же ты, что я оставлю тебя без подарка? — улыбнулся он и подмигнул.

Дядя Мортимер открыл ящик стола, слегка наклонившись, достал оттуда две темно-бордовые бархатистые коробочки: прямоугольную и квадратную.

— Когда-то они принадлежали твоей матери, — с тяжелым вздохом сказал он и поймал мой взгляд. — Я решил, что пора передать их тебе.

Дядя поочередно открыл каждую из коробочек, аккуратно поставил их на край стола. На мягких черных подложках внутри лежала неземная красота. Я не могла оторвать взгляд — у меня никогда не было настолько дорогих и великолепных украшений. В ушах даже сейчас висели не капельки из драгоценных камней, а сплав разноцветного стекла из Эвениана — подарок от моего друга Лукаса, старшего сына и наследника дядиного партнера мистера Монтанари, на шестнадцатый день рождения.

Моему взору предстали сокровища из самого редкого драгоценного минерала, который добывался на наших землях, — это был красный, как кровь, рубин. Колье, лежавшее в футляре побольше, состояло из одинаковых каплевидных камней, расположенных по всей длине украшения; каждый камень был с половину фаланги моего среднего пальца, а с маленького камня посередине свисал рубин побольше. Вокруг каждой капли деликатно блестели бриллианты. Никогда раньше я не видела ничего более прекрасного и завораживающего!

Переведя взгляд вправо, я увидела, что в квадратной коробочке лежат серьги из одного комплекта с колье: по три рубина на серьгу, размер которых увеличивался по мере удаления от крепления, и каждый красный камень в серьгах был также окружен бриллиантами поменьше.

— Дядя, это... — Я впервые в жизни не нашла слов благодарности. — Это очень дорогой подарок.

Мои пальцы потянулись к украшениям, но я одернула себя, так и не решившись дотронуться до сокровищ. Их стоимость наверняка ошеломительна, но то, что они когда-то принадлежали маме, значило для меня несравненно больше.

— Твоя мама была в них на балу Солнцестояния. Наш отец не поскупился и купил самые лучшие камни, какие можно было достать в то время. Он возлагал на Розалинд большие надежды, ведь уже тогда мы знали, что ее кровь сильна и, возможно, именно она станет новой фавориткой Его Величества. Арчибалд Грейвз постарался на славу, чтобы его лучший товар был обернут в самую изысканную обертку...

Мне не было дела до того, насколько холодно мой дед относился к своим детям. Не волновало меня и то, что он распоряжался ими, как деловым активом. Благо дядя был не точной копией своего отца и все-таки проявлял толику теплоты по отношению к своей семье. Но при этом амбиции семьи Грейвз никуда не делись. Было ясно, как день, что на предстоящем Отборе он хотел представить дочь и племянницу во всей красе.

Глава 2

Обратного пути нет. Сегодня вечером отец объявил всем, что я буду участвовать в этом кровавом Обряде вампиров. Был ли у меня голос в этом вопросе? Естественно, нет. Меня не спрашивали. Я просто разменная монета.

Из дневника Розалинд Грейвз, 1863 год

«Это мой лучший день рождения!» — я без конца повторяла себе эти слова, глядя на сокровища, которые выложила в ряд на кровати. Вернувшись в свою комнату после разговора с дядей, я достала мамин дневник и коробочки с ее украшениями и стала разглядывать их.

Никогда прежде мне не доводилось держать в руках даже обрывок бумаги, на котором хоть что-то было бы написано рукой моей матери. Ни одной записки, ни строчки, ни крошечной пометки в ее книгах — ничего, что принадлежало бы ей по-настоящему. А еще мне никогда не доводилось надевать то, что когда-то касалось ее кожи, впитало ее запах, знало тепло ее тела.

Теперь передо мной лежали ее украшения — тихие, неподвижные свидетели ее жизни. Я боялась к ним прикоснуться, как будто это было нечто священное, сокровенное. Холодный трепет охватил меня — не потому, что я думала, будто сделаю что-то неправильно, а потому, что я не была уверена, готова ли к такому.

И все же я знала, что долго не выдержу. Любопытство — не просто черта моего характера, а инстинкт, слишком живой, чтобы его заглушить. Читать дневник пока казалось делом слишком смелым — его страницы таили в себе неведомое: личные тайны, страхи, любовь и, возможно, слезы женщины, которую я никогда не знала, но так хотела узнать. Поэтому я выбрала путь более безопасный и потянулась к украшениям.

Осторожно, почти благоговейно я открыла бархатные коробочки. Каждую серьгу по очереди вдвела в мочки ушей и сразу же почувствовала легкое натяжение. Я не привыкла к такой тяжести — мои простые серьги из стекла ощущались в три раза легче. После я с такой же осторожностью взяла кольцо и слегка дрожащими пальцами застегнула его на шею. Сделала шаг к зеркалу — и ахнула: в зеркале отражалась я — и в то же время будто кто-то другой.

Мне всегда говорили, что я копия мамы. Но откуда я могла знать, правда ли это? После ее смерти не осталось ни портрета, ни даже рисунка, словно ее образ хотели стереть из памяти. Все, что у меня было, — лишь сдержанные описания дяди.

Я взглядела в свое отражение. Волосы цвета темного шоколада — моего любимого лакомства с солнечного острова Люкерис, расположенного юго-западнее континента Пейтос, на котором находился Морвейн. Сегодня я заплела две скромные косы и уложила их на затылке, что смотрелось чересчур просто рядом с такими царственными украшениями. До бала нужно будет обязательно придумать что-то более изысканное. Глаза, которые, по словам дяди, я также унаследовала от матери, имели светло-зеленый оттенок, как весенняя листва, но сейчас, в полуосвященной комнате, казались темнее — почти малахитовыми.

Я глубоко вдохнула и попыталась взять себя в руки. Взор застилала слезы, которые я резко смахнула с лица. Я имею право на эти украшения. Я ее дочь. Я достойна, пусть и не всегда чувствую это.

Подняв подбородок, я взглядела в отражение еще пристальнее. Нос прямой, с едва заметной горбинкой, унаследованный, должно быть, от отца, о котором я ничего не знала. Скулы высокие, очерченные, придают лицу скульптурность, но не делают его резким. Губы цвета малины. Их оттенок насыщенный, но естественный. Мне не нужно пользоваться помадой, чтобы придать им такой тон: за это я благодарна природе. Однако Ариетта всегда завидовала мне и пыталась подкрасить свои еще ярче, чтобы затмевать меня даже в этом. Зато ее губки как из книжек: маленький бантик, милый и женственный. Мои же полнее, особенно нижняя, а рот — шире.

Я улыбнулась себе в зеркале, вспомнив, что мамин дневник и дядин подарок — не единственные яркие моменты сегодняшнего дня. Через несколько часов меня ждет приключение — возможно, самое безрассудное. Вместе с моими друзьями — Селией и Лукасом Монтанари — я время от времени совершала тайные вылазки в город. Шанс ускользнуть из дома на несколько часов — это возможность вкусить свободы, это время, когда я могу быть собой — просто Ливи. Не сиротой, не пустым местом, а молодой женщиной, полной желанием жить. От предвкушения мое сердце забилося чаще. Ожидание сегодняшней ночи казалось практически нестерпимым.

И все же в этом сладком ожидании была и горечь — осознание, что за этим приключением, возможно, последует прощание с привычной жизнью. Август подходит к концу, а это значит, что у меня осталось чуть больше месяца, чтобы подготовиться к Обряду Крови, который ежегодно проводится десятого числа десятого месяца. В хрониках это объясняется тем, что число десять символизирует окончание старого и начало нового.

После оглашения результатов начнется самое трудное: потенциальных невест ждет вереница балов и церемоний — бесконечный водоворот обязательств, репетиций, уроков этикета и, конечно, внимательных взглядов со всех сторон. Каждое слово будет иметь вес, каждый жест — значение. Нас будут испытывать на прочность, чтобы убедиться в качестве нашего образования и умения вести себя достойно в высшем обществе, прежде чем на балу в Ночь зимнего солнцестояния высокорожденные вампиры и монаршие особы сделают свой выбор.

Я прекрасно понимаю, что времени на себя больше не останется: все мое внимание, каждая мысль, каждая крупица энергии будет отдана подготовке к этому балу. Он — как вершина горы, куда я так отчаянно стремлюсь, зная, что, забравшись на нее, либо достигну своей цели, либо сорвусь вниз.

И именно поэтому я не откажусь от этого последнего беззаботного вечера. Я намерена прожить его по полной! Я возьму от этой вылазки все, что смогу: каждое прикосновение, искренний смех, каждый взгляд, свободный от долга и притворства. Пусть все это станет моим сокровенным воспоминанием, которое я заберу с собой в октябрь, нитью, которая будет напоминать: прежде чем стать чьей-то избранницей, я была собой — Ливианой. Живой, упрямой и жаждущей приключений.

Сегодня мы договорились навеститься в самое дорогое питейное заведение Селестарии, столицы Морвейна. Мне нужно лишь дождаться вечера и незаметно улизнуть из дома. И да, не помешает переодеться. То платье, которое сейчас на мне надето, — простое дневное платье с завышенной талией — кажется слишком скромным для похода в такое место. Его милый розовый узор в мелкий цветочек точно не подходит, чтобы отправиться туда, где устраивают представления, алкоголь льется рекой, а за столами проигрывают состояния. Вот почему в моей гардеробной уже лежит припрятанное темно-синее платье с широким поясным корсетом, которое передала мне Селия. На днях она заходила под невинным предлогом вернуть книгу в нашу библиотеку и осталась, чтобы обсудить со мной сегодняшний день. В десять часов вечера они с Лукасом будут ждать меня в наемном экипаже через два дома от городского особняка Грейвзов.

А пока что стрелки на часах неспешно отсчитывали время до пятичасового чаепития с кухней и тетей. Я решила снять рубины, аккуратно положить их в коробочку и вместе с маминим дневником спрятать в своей гардеробной рядом с чулками и нижним бельем: туда точно никто не залезет.

Встречаться с тетей после их ссоры с дядей было в сто раз хуже, чем обычно. Да и обычно, как вы понимаете, было несладко: в лучшем случае меня не замечали, пока я разливала чай всем присутствующим; в худшем говорили обо мне так, будто меня нет в комнате, и метали

острые как клинки взгляды. К разочарованию тети, они не могли взять в руки настоящие ножи; к моему счастью, их презрительное отношение лишь делало меня сильнее. Я была твердо намерена утереть им нос на предстоящем Отборе.

Около девяти вечера дом начинал затихать. Слуги вполголоса шептались, спеша выполнить последние поручения, свечи в коридорах гасли одна за другой, и безмолвие нарушали лишь редкие поскрипывания деревянных половиц. Я знала этот распорядок наизусть.

Дядя Мортимер покинул дом сразу после нашего разговора и наверняка снова будет работать допоздна. Его настойчивость в делах граничила с одержимостью, но именно благодаря этому нашу семью все еще уважали в торговых кругах Селестарии.

А вот тетя и Ариетта, как я узнала от Анны, вскоре после вечернего чаепития уехали на музыкальный вечер к леди Ровене де ла Коста — известной светской даме, сын которой — вампир: богатый, обворожительный и не замеченный ни в одном скандале — был идеальным кандидатом для брака по меркам нашего общества.

Нетрудно было догадаться, с какой целью отправилась туда моя тетя: ее желание «ненавязчиво» показать Ариетту в нужных кругах было слишком предсказуемым. Возможно, она надеялась, что ей удастся «бросить приманку» до того, как начнутся официальные мероприятия, связанные с Обрядом и Отбором, — заранее показать будущим женихам свою единственную дочь в выгодном свете.

А я тем временем готовилась к выходу. Вернувшись в комнату, сразу же подошла к гардеробу, вытащила оттуда аккуратно свернутое платье и встряхнула его. Оно было из плотного хлопка, темно-синее, с чуть расширяющейся к низу юбкой и рукавами три четверти, сшито просто. Я решила надеть его сразу, чтобы ткань расправилась на мне. Да и так было легче оценить, не нужно ли что-то подправить. Последним и самым важным элементом моего сегодняшнего образа была маска.

Таверна «Чаша Морр» была чуть ли не самым посещаемым заведением столицы, особенно ближе к полуночи. Вампиры из высшего света, гвардейцы, простые люди, даже кто-то из Хранителей — все могли встретиться там. И если вдруг кто-то, увидев меня в этой таверне, запомнит мое лицо, а затем встретит на балу в Ночь солнцестояния, последствия будут серьезными. Особенно если этим кем-то окажется один из вампиров — потенциальных супругов...

Вот почему этим вечером мой девиз — осторожность. Темно-коричневая маска из мягкой кожи с легким тиснением по краю идеально сочетается с поясом платья. Она закрывает верхнюю часть лица и при тусклом свете таверны делает меня неузнаваемой. Селия и Лукас, мои верные спутники, согласились подыграть — раздобыть маски и себе. Все это превращало наше приключение в игру — пусть опасную, но оттого только более захватывающую.

Я уже собиралась отправиться в путь, как мой взгляд упал на полку, где я спрятала мамин дневник. За весь день я не прочла ни строчки и, словно услышав немой упрек, вытащила его из груды белья. Обложка, когда-то красновато-коричневая, потемнела с годами. Я осторожно открыла книжечку, и хрупкие страницы хрустнули в корешке. В верхнем левом углу перед первой записью стояла дата: 13 августа 1863 года.

Значит, мама начала вести этот дневник примерно за месяц до своего Обряда Крови. Я смотрела на ее ровный почерк — строгий, но женственный. В первой заметке она рассказывала о званом ужине, на котором ее отец, мой дед, впервые публично объявил, что она, представительница семьи Грейвз, будет участвовать в Обряде. Он гордился этим и не скрывал своей радости, поднимал бокал под одобрительные взгляды гостей. Но за аккуратными словами в дневнике между строк сквозила сдержанная тревога: мама не разделяла его энтузиазма.

Почему? Почему девушка, которой выпал такой шанс, не испытывала счастья? Ведь для нас, людей, это самый простой путь вверх, возможность стать чем-то большим, а не выйти замуж за работягу или, хуже того, остаться старой девой. Это возможность стать частью мира,

где кровь — это сила, которой гордятся, а союз с вампиром — шанс на богатство и, быть может, вечную жизнь.

Вампиры, появившиеся около двух тысяч лет назад, только при правлении нынешнего короля обуздали свою жажду и жестокость. Они больше не охотятся на людей и ведут себя более чем достойно — особенно те, что принадлежат к элите королевства. Верховные хранители стали посредниками между вампирами и нами, людьми, обеспечив одних кровью, а других — деньгами. Теперь люди могут законно сдать свою кровь на всеобщем Дне единства по весне и неплохо заработать, а вампиры — прекратить охоту на людей. Все в жизни королевства казалось упорядоченным, безопасным — и все же мама чувствовала иное...

Возможно, я найду ответы дальше, на других страницах. Но сейчас мой взгляд упал на часы: почти десять. Через пятнадцать минут я должна быть на улице, спеша навстречу ожидающим друзьям.

Я мгновенно захлопнула дневник, провела рукой по мягкой обложке и спрятала его обратно в комод. Все остальное потом. Сейчас меня ждет другое приключение. И если оно будет последним перед новой жизнью, пусть станет запоминающимся.

Перед выходом я еще раз взглянула в зеркало. Сейчас во мне нельзя было узнать девушку из богатой семьи. Все готово! Я не стала укладывать волосы в прическу, а наоборот — распустила. Это был дерзкий вызов всем правилам светского этикета, но сегодня я отказываюсь им подчиняться.

Подойдя к окну, я осторожно открыла его и наполовину высунулась наружу, чтобы осмотреть улицу. Никого. Одним уверенным движением я перелезла через подоконник и встала на узкий каменный карниз, крепко прижавшись спиной к прохладной стене особняка. Мне никогда не была свойственна боязнь высоты, но даже со всей своей смелостью я отдавала себе отчет: падение с третьего этажа, каким бы захватывающим ни был побег, вряд ли добавит изюминки этому вечеру. Скорее, я сломаю себе шею, и на этом все закончится.

Я восстановила равновесие и аккуратно начала движение по карнизу влево. Еще шаг — и я оказалась в нужном месте. С этой стороны дома росла старая осина. Ее ствол изогнулся к особняку, словно приглашая воспользоваться им. Я уже не раз прибегала к ее помощи!

Я сделала глубокий вдох, собирая всю свою храбрость, и, ухватившись за ближайшую толстую ветку, подтянулась к ней, перенося вес с карниза на дерево. Все шло по привычному плану. Пальцы крепко сомкнулись, платье не зацепилось, и даже туфли — ужасно неудобные, но подходящие к образу — не подвели. Оставалось лишь переместиться дальше, обнять ствол и спуститься по нижним ветвям к земле.

Однако внезапный тихий хруст, которого я никак не ожидала услышать, встав на ветку, точно был не к добру. Я поспешила убраться с этой ненадежной опоры, но при следующем шаге ветка предательски надломилась, и моя левая стопа начала соскальзывать вниз. Еще мгновение — и все мое тело накренилось, воздух вырвался из легких, и я начала падать, мысленно крича: «Нет! Нет-нет-нет!»

Все происходило слишком быстро. Сердце стучало в ушах, страх поднимался к горлу. Я уже приготовилась к боли, представляя, как мое тело встретится с землей и я наверняка сломаю себе какую-нибудь конечность... Но удара не последовало — вместо этого я рухнула на нечто мягкое, живое. Чьи-то руки резко обвили меня, ловко поймав в падении, но не сумели удержать и через мгновение мы вместе повалились на землю.

— Ох! — вырвался у меня протяжный удивленный стон, когда я оказалась на чьей-то груди, тяжело дыша.

— Куда вы так спешите, мисс? — спросил насмешливый голос, и я сразу узнала его владельца.

— Лукас! — выдохнула я, всхлипнув, но тут же постаралась взять себя в руки. — Это ты... Благая Богиня, как ты здесь оказался? — спросила я взволнованно, все еще прерывисто дыша от падения и шока.

Он приподнял голову, криво усмехнулся и посмотрел мне прямо в глаза.

— Так и знал, что твой гениальный план — снова воспользоваться этим деревом. Но то, что ты решила спрыгнуть с третьего этажа, удивило даже меня, — проговорил он насмешливо, но с такой добротой, что на сердце у меня стало легче.

Лукас легко поднялся с земли, помогая и мне встать на ноги. Его руки были сильными и уверенными — в отличие от моих, дрожащих от адреналина. Он выглядел просто и совершенно не выделялся из толпы: застиранная рубашка — когда-то белая, теперь же серо-кремовая — с расстегнутым воротом, коричневые штаны, державшиеся на старенькой пуговице, и стоптанные, но прочные ботинки. Образ идеально подходил под легенду, будто он мужчина из Старого района, который предпочитает не сидеть дома, а выпить пару-тройку кружек эля после работы. При необходимости мы вполне могли сойти за супружескую пару. Мысли об этом вызвали у меня легкий смешок — нервный, конечно, но искренний.

— А где Селия? — спросила я, все еще озираясь по сторонам в надежде увидеть где-нибудь легкий экипаж или хотя бы тень подруги. — Вы же должны были ждать меня у дома Баунтов...

— Сестра ждет нас там, как и договаривались, — ответил Лукас и, не отпуская моей руки, бросил быстрый взгляд в сторону аллеи, где сквозь редкие фонари уже мерцал силуэт повозки. — А я решил прогуляться и убедиться, что ты не свернешь себе шею на пути к веселью. И, судя по всему, не зря. — Он подмигнул, как будто только что поймал меня на шалости.

В этом весь Лукас! Вечный шутник, но предусмотрительный донельзя. Его глаза цвета морской волны — аквамариновые, глубокие — смотрели на меня с теплотой, озорством и тем особым блеском, который появляется у человека, который действительно дорожит нашими отношениями. Рядом с ним я всегда чувствовала себя в безопасности.

— Ладно, хватит болтать, — прошептал вдруг Лукас, оглядываясь с явным беспокойством. — Если не хотим, чтобы кто-нибудь заметил нас, лучше поспешить!

Он крепко сжал мою ладонь, и мы бросились в сторону экипажа. Дом остался за спиной, а впереди маячила повозка, рядом с которой уже нетерпеливо пританцовывала Селия, кутаясь в легкий темный плащ.

Добежав до экипажа с запряженной лошадей, я с облегчением обняла подругу, пряча лицо у нее на плече, а та тихо засмеялась, заметив мой слегка растрепанный вид.

— Ты снова полезла через окно, да? — прошептала она с восхищением.

— Ну а как же иначе? — тихо засмеялась я, выпрямляясь и приглаживая растрепавшиеся пряди.

Лукас, не теряя времени, ловко запрыгнул на козлы, взял поводья и коротко щелкнул ими, подгоняя лошадь. Мы с Селией уселись на заднее сиденье, накрывшись покрывалом и стараясь не хихикать слишком громко. Ночь принадлежала нам, и мы были готовы взять от нее все, что она могла предложить.

До таверны мы добирались молча. Дом Грейвзов находился на границе Старого и Нового районов, ближе к Новому, поэтому чем ближе мы подъезжали к таверне, тем оживленнее становились улицы, и мы старались не привлекать к себе внимания.

Оставив повозку в городской конюшне за несколько улиц от таверны и заплатив конюху двойную цену за то, чтобы он не задавал лишних вопросов, мы не торопясь пошли пешком до нужного нам здания. Я крепче прижалась к подруге, чтобы ее плащ согревал нас обоих. Лукас в это время шел на полшага впереди, озираясь по сторонам.

Таверна уже была видна: теплый свет лился из мутных окон, музыка была слышна даже на улице, и казалось, что дверь едва справляется с напором голосов, доносившихся изнутри.

«Чаша Морр» представляла собой громоздкое здание с потемневшей от времени вывеской в виде полумесяца, в который лилась похожая на вино жидкость, — намек на то, что здесь рады всем: и тем, кто пьет вино, и тем, кто предпочитает кровь.

— Как в улье, — пробормотала Селия, наблюдая, как толпятся у входа посетители, явно уже навеселе. Одни пели, другие обнимались, а третьи просто стояли, шатаясь от усталости или от количества выпитого.

— Держитесь прямо за мной! — крикнул Лукас, перекрывая гул голосов. Его слова почти потонули в шуме, но мы уловили суть и послушно вцепились друг в друга, чтобы не потеряться.

Главный зал был похож на настоящий водоворот: люди стояли так плотно, что приходилось буквально толкаться плечами, чтобы продвинуться хоть на шаг. Со всех сторон слышались выкрики — азартные, грубые, восторженные:

— Врежь ему!

— Ставлю серебряный, что он вылетит в окно!

— Да он, похоже, не человек! Смотри, как держится!

Я сильнее обхватила рукой предплечье Лукаса.

— Там что-то происходит, — сказала я, вслушиваясь.

— Очевидно, — буркнул Лукас, глядя вверх голов.

Наконец протиснувшись к центру зала, мы увидели круг — живую арену из людей, обступивших двух мужчин, которые явно... дрались?

Глава 3

Их глаза... Я никогда не смогу привыкнуть к такому цвету. Особенно ко взгляду короля Теодора. Каждый раз, когда он смотрит на меня, я чувствую себя его добычей.

Из дневника Розалинд, 1863 год

В круге зрителей, озаренном лишь дрожащим светом масляных ламп, подвешенных к потолку, словно в центре арены, находились двое. Ближе к нам стоял массивный, тучный мужчина с бритой головой; она была покрыта испариной. Он поднял руки, как делают уличные бойцы, но при этом заметно покачивался. Глаза-бисеринки, взгляд которых беспокойно метался из стороны в сторону, были не в силах сфокусироваться на противнике. Громила точно был пьян, и только Богиня знала, каким образом он еще стоял на ногах.

Противник же был его полной противоположностью: высокий, с легкой, почти ленивой усмешкой на лице, излучающий уверенность. Он выглядел слишком трезвым для этого места. Запустив длинные пальцы в слегка выющиеся темные волосы, он откинул их назад и с демонстративной небрежностью поманил оппонента пальцем. Его жест вызвал смешки в толпе, кто-то даже зааплодировал и присвистнул, а я только сжала губы: он дерзкий и слишком храбрый для такой разницы в весе.

Да, он высок и, пожалуй, даже слишком выделяется своей грациозностью на фоне собравшейся публики. Он был неширок в плечах, но ростом выше среднего. Его фигура была скорее поджарой, гибкой, а движения — как у хищника, который не тратит энергию зря. Впрочем, против такого амбала, каким был его противник, ловкость вряд ли поможет: один неудачный шаг, и тот рухнет на него всей своей массой, не оставив от всей этой грации и следа.

Я невольно сравнила этого бойца с Лукасом, стоявшим неподалеку. У моего друга, рядом с которым я чувствовала себя уверенно в любом районе, была фигура, типичная для гвардейца. Его тело было воплощением надежности: широкие плечи, крепкие руки, которые не раз помогали мне забираться куда угодно, и торс, словно высеченный из камня. Он был не только силен, но и вынослив: годы службы в городской страже закалили и тело, и характер.

Соперники продолжали кружить по «арене», и я, с интересом следя за представлением, вдруг обнаружила, что худощавый оказался рядом с нами. Ухмылка не сходила с его лица, еще сильнее возбуждая толпу и вызывая у противника неприкрытую злость. Бритоголовый верзила, покраснев от злости, медленно собирался с силами. Приготовившись к решающему броску, он, тяжело дыша, повалился вперед всем своим массивным телом.

Но в этот миг все изменилось. Мгновенно, будто по сигналу, усмешка исчезла с лица худощавого мужчины. Теперь он выглядел куда более опасным. Губы приоткрылись в хищном оскале, обнажив два идеально острых клыка. Я не успела ни испугаться, ни понять, что вижу, как вдруг он повернулся ко мне — резко, будто знал, что я на него смотрю. И тогда я увидела его глаза: красные, окруженные тонким, почти дымчатым черным ободком. Его взгляд пронизывал до самых костей. Он смотрел на меня прямо, не мигая.

Мой вдох застрял где-то в горле, и воздух так и не смог вырваться наружу. Я застыла, как кролик перед хищником. Никогда раньше я не видела вампира так близко. Да, конечно, я многое о них знала, читала в книгах. Слушала рассказы Ариетты, которая хвасталась, как на одном из приемов с ней флиртовал сын вампирского лорда. Предельно наблюдательная Селия собирала байки и слухи о вампирах, будто они были героями легенд, а не жили рядом с нами. Но ни одна история не могла подготовить меня к такому.

Теперь стало понятно, почему он так уверен в себе: в его теле, несмотря на внешнюю худощавость, таилась сила десяти, а то и ста мужчин. И тот толстяк, готовящийся напасть на своего противника, ничего не сможет с ним сделать. И не смог бы, даже будучи в полной боевой готовности. Более того, даже Лукас не одолеет вампира врукопашную — разве что задержит

на время. Нападать на детей ночи, правящих нашим королевством, без оружия нет смысла — все это знают. Ну, видимо, кроме того пьяного верзилы.

Вампир все еще смотрел прямо мне в глаза, будто происходящее вокруг — лишь фоновый шум. А потом, как по команде, дерзкая лукавая усмешка вернулась на его лицо, придавая ему пугающее обаяние. За секунду до столкновения он резко выкинул руку вперед и без всякого усилия, с небрежностью, достойной аристократа, уперся ладонью в лысину разогнавшегося громилы. И остановил его — просто так, не дрогнув, словно перед ним был не человек, а пьяный ком из ваты. Сто килограммов, не меньше, летевшие на него с намерением снести все на своем пути, были остановлены одной-единственной рукой.

Мои легкие, кажется, вспомнили, что им нужно качать воздух. Я шумно выдохнула, только теперь заметив, как закружилась голова от того, что я долго сдерживала дыхание. Мне срочно нужно было сесть или хотя бы за что-то зацепиться, чтобы не упасть в обморок прямо посреди таверны.

— Ребята, — я сделала очередной глубокий вдох, резко дернув Селию и Лукаса за рукава, — давайте поищем стол. Тут уже не на что смотреть.

Не уверена, что они были солидарны с моим мнением, но «спектакль» явно подошел к концу. Вампир лишь слегка толкнул своего противника, и тот повалился на пол, как мешок с зерном.

Тут и там слышались раздосадованные вздохи, смех и свист. Приятели поверженного громилы, ворча и спотыкаясь, пытались утащить его на улицу, а я заметила свободный столик у дальней стены, чуть в стороне от бара. Рядом с ним как раз стояли три стула.

— Там, — кивнула я. — Идеально для нас!

Мы двинулись в указанном направлении. Я надеялась, что тот интерес во взгляде вампира был всего лишь игрой моего воображения.

— С днем рождения! — воскликнула Селия, едва мы вынырнули из гудящей толпы. Она кинулась ко мне в таком порыве, будто мы не виделись много лет, и сжала в объятиях, от которых мне вновь стало трудно дышать.

Селия — моя лучшая подруга и родственная душа. В ней уживаются детская непосредственность и трогательная чистота, редкая в нашем мире. Сегодня ее иссиня-черные волосы были уложены в изящную «корзиночку» на затылке, а глаза — такие же голубые и глубокие, как у брата, — скрывала маска в тон волосам. В своем немного поношенном, но откровенном платье девушки из Старого района она могла бы показаться роковой кокеткой, разбившей не одно сердце. Но я-то знала правду: за этим образом скрывалась кроткая, целомудренная душа — мягкая, как кошачья лапка, и светлая, как образ святой девы.

— Ш-ш-ш! Не кричи так, Селия! Не хочу привлекать к нам внимание, — прошептала я, оглядываясь и крепко обнимая ее в ответ. — Но спасибо... Правда! Это очень мило.

— Ну конечно мило! — засмеялась она. — А теперь садись. Хочу услышать все! Как прошел твой день? Что ты делала? И не дай Богиня я услышу, что ты снова провела целый день в одиночестве. Если так, я обижусь!

Энергия Селии неиссякаема, и я ее за это обожаю. Собственная жизнь часто кажется мне жалкой, как кладовка в старом доме: мрачной, тесной, давящей. А Селия была тем окном, через которое пробивалось солнце. Я не знаю, чем заслужила такую подругу, но каждый раз, глядя на ее лучезарную улыбку, чувствую, что мир не так уж и несправедлив. Ее любовь ко мне была безусловной. Она принимала меня целиком: все мои светлые и темные стороны.

— Лукас, будь добр, сходи за элем! Только не вздумай принести тот приторный сидр, который ты всучил мне в прошлый раз. Клянусь, я вылью его тебе за пазуху! — смеясь заявила Селия, наконец выпустив меня из объятий и хлопнув брата по плечу.

Лукас лишь усмехнулся и молча направился к бару. Было видно, что он привык к такой манере поведения сестры и вовсе не обижался на ее командный тон. Селия была любими-

цей в семье, и ее баловали как могли. Мистер Монтанари потакал всем ее желаниям, даже самым странным. Когда год назад она заявила, что хочет стать помощницей целителей, никто не посмел ей запретить. Селию приняли в Обитель без лишних вопросов, и она была безмерно этому рада.

Целители были единственными магами, принимавшими в свои ряды обычных людей. Простолюдины, не наделенные волшебной силой, могли поступить к ним в ученики — тогда их называли аколитусами. Именно аколитусы выполняли самую тяжелую, грязную и изнурительную работу: ухаживали за больными, меняли повязки, опорожняли ночные горшки. Это был путь терпения и самопожертвования. Аколитус мог дослужиться до звания младшего люминариса — первой ступени в иерархии целителей. Но даже выучив все анатомические трактаты и пройдя десятки проверок, он все равно никогда не смог бы сравниться с теми, у кого дар исцеления был в крови. Об этом знали все.

Однако Селию это не пугало. Ее большое сердце, казалось, было способно вместить страдания всего мира, и желание помогать другим для нее было не работой, а призванием. Вот почему я знала: ее место именно там — среди светлых людей и магов, которые дарят другим надежду.

— Ну рассказывай! Как прошел твой день? — Селия не унималась. — Дядя Мортимер и миссис Грымза удосужились тебя поздравить или опять сделали вид, будто твой день рождения — это досадная ошибка календаря?

— О, особенно постаралась миссис Грымза! — протянула я, закатив глаза. — Несколько часов бесценных наставлений, перемежающихся завуалированными оскорблениями... Лучшим подарком от нее было бы, если бы она со мной вообще не заговаривала. Но дядя, справедливости ради, действительно кое-что подарил.

— Ну? Не тяни же! — пискнула Селия, подпрыгнув на месте, будто ей самой вручили заветный подарок. Ее глаза блестели от нетерпения.

— Мамины украшения — те самые, что она надевала на Обряд. Селия, ты не поверишь: это рубины! Огромные! — Я всплеснула руками, очерчивая в воздухе размер драгоценных камней. — Такие, что уши натягиваются от тяжести!

Глаза подруги распахнулись так, словно она только что увидела личного посланника Богини. Селия даже прикрыла рот ладошками.

— Божечки-ежички, Лив! Куда тебе такие сокровища? Они же тебя с собой даже на приемы не берут!

— Ну... Об этом я как раз и хотела рассказать...

— Дамы, напитки поданы! — Голос Лукаса неожиданно раздался прямо над ухом. Я вздрогнула — не услышала его шагов из-за гула таверны.

Лукас ловко поставил на стол три кружки с прохладным, ароматным пенным напитком, а потом развернул стул задом наперед, сел верхом, закинув руки поверх спинки, и, окинув нас внимательным взглядом, спросил:

— О чем болтаете?

— Дядя подарил Ливиане семейные драгоценности ее матери, — с заговорщицким видом выдала Селия. — Камни с фалангу твоего пальца, не меньше! Но зачем, если она все равно не выходит в свет?

Я сделала глоток терпкого, пряного эля и поняла, что тянуть дальше смысла нет. Почему бы не сказать?

— Дядя подал прошение, чтобы меня внесли в список участниц Обряда Крови. — Я опустила голову и выпалила эти слова залпом. Так пьют самые противные лекарства, которые лучше проглотить сразу, чем медленно мучиться.

Подняв глаза, я увидела на лице Лукаса не удивление или радость, а нечто гораздо хуже: он смотрел на меня так, будто я призналась, что умираю. Его губы дрогнули, но слова застряли где-то в груди.

А Селия... Она замерла, широко распахнув глаза, и в них не было осуждения — скорее понимание, поддержка. Уже лучше!

— А ты сама... ты действительно хочешь этого? — тихо, почти шепотом спросила подруга, едва заметно толкнув брата локтем в бок. Он даже не моргнул.

Я кивнула.

— Не буду врать. Да, я думала об этом. Брак с дворянином может стать для меня выходом. Я получу имя, дом, безопасность и какое-то подобие свободы. И наконец, — я скривила губы в лукавой усмешке, — утру нос миссис Грымзе и Ариетте.

— О да! — засмеялась Селия. — Ари точно прикусит язык от злости, если ты поймаешь партию получше, чем она! Но Лив... — Тут ее голос затих, потому что в разговор встрял Лукас.

— Разве такую заявку вообще примут? — хрипло произнес он, опуская глаза. — С твоим положением...

Я замерла. Сердце стукнуло как-то неровно.

— Лукас! Как ты... — Я уставилась на него в недоумении. — От тебя я такого не ожидала. Ты никогда не считал мое положение проблемой. А теперь что? Я недостойна, потому что родилась не так?

— Лив, нет! — вспыхнул он. — Я не об этом! Ты достойна самого лучшего! Просто... вампир? — Он сморщил нос, словно я предложила ему съесть тухлое яйцо. — Что ты вообще о них знаешь?

А ведь и правда... Что я по-настоящему знаю о вампирах? До недавнего времени я, как могла, избегала всего, что связано с их миром. То, что они сделали с моей мамой, навсегда поселило в моем сердце злость и отвращение к высшему свету. Но, повзрослев, мне пришлось смириться с тем, что единственный возможный для меня вариант — это брак с одним из них.

Из книг по истории королевства Морвейн мне была известна легенда о появлении первого вампира из рода Вальсераров — рода, который и по сей день правит в нашей стране. Первым из них был Аласир Вальсерар — величайший маг своего времени. Он вознамерился бросить вызов самой смерти, совершив то, на что не осмелилась бы и сама Богиня: вырвать жизнь из рук смерти. Ритуал, совершённый им, был актом безумия и любви: в нем слились кровь, тьма и сила, порожденная утратой. Аласир хотел вернуть к жизни свою горячо любимую жену Лизету — могущественную ведьму, погибшую в пламени человеческого суда. И она вернулась, но это была уже не та женщина, которую он знал и любил: из праха восстала первая из детей тьмы, вампирша. По ее венам текла не просто кровь — в ней пульсировала сама тьма, переплетенная с древней магией. С тех пор их и зовут темнорожденными...

Я вдохнула и, не поднимая глаз, начала:

— Я знаю одно: им плевать на обстоятельства моего рождения. Это не волнует вампиров так, как нас, людей. Зато их интересует сила моей крови. А также они невероятно богаты. И да, вампиры... — я бросила на Лукаса саркастичный взгляд, — привлекательны. Большинство из них красивы, как смертный грех. Ну разве это не отличный бонус супружества? — С этими словами я сделала глоток имбирного эля и с ухмылкой посмотрела на друга.

Селия прыснула, потом захихикала, а после и вовсе затряслась от смеха, смахивая слезы. Но Лукас... Его лицо не смягчилось ни на йоту. Он все еще был сосредоточен и напряжён.

— Но Лив... — начал он тихо. — Они же звери! Ночные создания, живущие в темноте. И, как мне известно, — он понизил голос, словно боялся, что его услышит кто-то еще, — они пьют кровь своих человеческих женщин... Ну, сама понимаешь. — Его уши вспыхнули алым, и он потупил глаза, глядя в кружку, которую судорожно сжал в руках.

Я едва удержалась от смеха.

— Правда? — с притворной наивностью протянула я. — И когда же именно они это делают, Лукас? Ты можешь рассказать поподробнее?

Изо рта Селии вырывался уже не смех, а звуки, похожие на хрюканье. Несмотря на слезы, она пыталась выровнять дыхание.

— Лив, — простонал Лукас, — ты отлично понимаешь, о чем я. И это не смешно! — После он зыркнул на Селию и попытался позвать ее на подмогу: — А ты прекрати смеяться! Неужели ты не попытаешься отговорить ее от этого?

Селия села ровно, вытерла слезы и взглянула на брата.

— Лукас, давай смотреть правде в глаза. Лив упряма, как северный ветер: если уж решила, значит, будет по ее. Когда это мы могли ее отговорить?

Я пожалала плечами: тут возразить было нечего. Но Лукас оставался угрюмым. Его глаза встретились с моими, и взгляд был тяжелым и тревожным.

— Я просто... я боюсь тебя потерять, Лив, — наконец выдохнул он едва слышно.

И в этот миг все его ворчание обрело смысл. Его резкость, недовольство, смущение — все это было страхом: теплым, человеческим страхом за друга.

— Лу... — Я потянулась к его руке. — Я не исчезну. И никто не говорит, что я точно пройду Обряд. Моя кровь может оказаться слишком слабой, ведь неизвестно, кто мой отец.

Пришла пора сменить тему, и тут я вспомнила, что не поделилась с друзьями рассказом о своей утренней находке. Допив эль, я рассказала им, как обнаружила в домашней библиотеке мамин дневник и что успела в нем прочитать.

— Как думаешь, твоя мама могла оставить какие-нибудь подсказки о том, кто твой отец? — осторожно спросила Селия, глядя на меня с искренней тревогой в глазах.

Она волнуется за меня! Селия — дитя, выросшее в полной семье, где родители любят и уважают друг друга. И, как она всегда выражается, у нее сердце болит, когда она вспоминает, что моей мамы нет в живых, да и отца, возможно, тоже.

— Думаю, это возможно. — Я тяжело вздохнула. — Но, если честно, я уже давно перестала надеяться. Столько лет прошло! Если бы он был жив и хотел найти меня, то сделал бы это, ведь так?

Я не ожидала, что произнесу это вслух. С каждым годом тоска по маме бледнела, а надежда на то, что где-то в этом мире у меня есть отец, вообще умерла. Однажды я просто перестала задаваться этим вопросом.

— А сейчас, — я подняла глаза и постаралась улыбнуться, — все это даже не кажется мне таким уж важным. Я живу и, возможно, стою на пороге новых поворотов в своей жизни. У меня есть вы. И пусть мои родители не со мной, я не одна.

После этих слов за столом повисло молчание, и мы взяли друг друга за руки, обменявшись очень теплыми взглядами. Все, что осталось невысказанным, было понято без слов.

Сначала разговор об Обряде, потом — о дневнике матери, а теперь — и об отце, которого я никогда не знала... Мы зашли слишком далеко и загрустили, поэтому я решила вернуться к тому, ради чего мы сюда пришли: хлопнула ладонью по столу, заставив друзей вздрогнуть, и улыбнулась уже по-настоящему.

— Так, всё! Унылый настрой отменяется. Сегодня у меня день рождения, между прочим. И я точно знаю, что мы пришли в «Чашу Морр» не для того, чтобы топить слезы в эль. Мы пришли смеяться, петь и танцевать!

Селия восприняла мои слова как призыв к действию. Не прошло и пары секунд, как она, словно стрела, вылетела из-за стола и помчалась к музыкантам, находившимся в левом углу зала. Один из них — высокий, с угольно-черными волосами и скрипкой в руках — как раз настраивал свой инструмент. Селия, как всегда, пустила в ход весь арсенал своего обаяния: прищуренные глаза, тонкий поворот головы, игривую улыбку. Что бы она ему ни сказала, это сработало: он на мгновение застыл, а затем кивнул, смущенно улыбаясь в ответ. Не теряя вре-

мени, она вскрикнула от восторга, развернулась и буквально вприпрыжку вернулась к нам, схватив меня за руку, а вторую протянула Лукасу.

— Танцуем! — провозгласила она с восторгом, уже крутясь на месте, как юла.

Ее энергия, казалось, могла зажечь свечи в канделябрах и заставить стены ходить ходуном. И как бы я ни пыталась сохранить остатки рассудительности, этот вихрь радости захлестнул меня с головой. Я рассмеялась, закружилась следом, и уже через мгновение мы оказались в центре зала — там, где совсем недавно бушевала драка.

К нам стали подтягиваться другие посетители. Все встали полукругом друг напротив друга, взявшись за руки. Танец начался! То приближаясь, то отдаляясь, мы кружились и рассыпались в такт музыке, ловили взгляды, смеялись, наступали друг другу на ноги и не сердились из-за этого. Я успела покружиться с каждым и к концу композиции ощутила приятную усталость и колющую боль под ребрами. Щеки разгорелись, волосы выбились из-под маски. Решив, что нужно немного передохнуть, я смеясь выскользнула из круга.

— Схожу за элем и чем-нибудь съестным! — крикнула я друзьям и жестом показала, чтобы продолжали без меня.

Селия и Лукас будто только этого и ждали — уже кружились вдвоем, ловя ритм следующей пляски.

Толпа у бара поредела, и я легко прошла вперед, не рискуя при этом остаться без ног. Это можно было считать победой. За стойкой меня встретил седой хозяин заведения в круглых очках и с ухмылкой на лице.

— Чего желаешь, красавица? — хриловато спросил он, склонившись ко мне.

Перекрикивая шум и музыку, я продиктовала ему заказ, указав на наш столик в углу, и уже собиралась вернуться, как вдруг мой взгляд упал на танцующих Селию и Лукаса. Они медленно кружились под мелодичную песню. Эти двое были моей настоящей семьей. Никто не знал меня так, как они. И никто другой не любил меня такой, какая я есть, с моими странностями, страхами и мечтами.

Я вспомнила историю их семьи. После смерти первой жены мистер Монтанари женился на юной девушке, которая вскоре родила Селию. Несмотря на то что приходилась Лукасу мачехой, она воспитала его как родного сына, с нежностью и теплотой. Они настоящая семья. Их не разделяли тайны, обиды или отчуждение. Иногда я смотрела на них, и внутри поднималась щемящая зависть — не злая, теплая. Такая, что лишь напоминает, как сильно хочется быть частью чего-то целого.

И поэтому я так благодарна им за дружбу, за то, что они показывают мне: бывает по-другому. Мои друзья рядом в мой самый важный день. И возможно, это наш последний вечер втроем, прежде чем я вступлю на путь, который приведет меня к Обряду.

Музыка в зале сменилась: к скрипке и лютне присоединился бархатистый мужской голос. Он пел народную балладу — одну из тех, что знали все, кто хоть раз проводил вечер в таверне. Песню о девушке, которая однажды принесет свет в королевство. Я так увлеклась — то ли мелодией, то ли нежным голосом певца, — что почти забыла, где нахожусь. Музыка заполняла собой все пространство. Я позволила себе в полной мере прочувствовать этот миг. Закрывает глаза, просто слушала и дышала. Но внезапное движение слева вывело меня из забытья. Я медленно открыла глаза и повернула голову.

На стойку, словно нехотя, облокотился мужчина. Его руки тяжело легли на деревянную поверхность, и наши пальцы почти невзначай соприкоснулись. Это мимолетное касание будто обожгло меня холодом. Я отдернула руку. Снизу вверх скользнув взглядом по его фигуре, я постаралась сохранить невозмутимое выражение лица.

Высокие, идеально начищенные кожаные сапоги. Брюки темно-серого цвета, облегающие его длинные ноги так, будто сшиты под заказ. Синяя рубашка — ткань явно дорогая, с легким матовым блеском — совершенно точно изготовленная не в лавках Старого района. Поверх нее

жилет, черный, как ночь, с утонченной вышивкой серебряной нитью, которая сверкала при каждом движении. Он выглядел просто, но слишком изысканно, чтобы быть простолюдином. Это был мужчина из высших кругов.

Я посмотрела ему в глаза, и краска тут же сошла с моего лица, а расслабленная улыбка погасла. Он. Это был он — тот самый вампир, который устроил потасовку в центре зала, когда мы пришли. Его кровавый взгляд с явным интересом впился в меня и удерживал в плену. На моем лице, похоже, отразился страх, а затем — растерянность, так как вскоре я услышала:

— Смотрю, твой вечер шел неплохо, пока не появился я. — Он произнес это лениво, склонив голову набок. — Всегда рад испортить даме настроение!

Глава 4

Вампиры явно обладают магией. Иначе чем можно объяснить, что в их присутствии моя воля им будто подчинена? Тем больше у меня причин избегать брака с одним из них.

Из дневника Розалинд, 1863 год

— Твой заказ, красавица, — объявил седовласый мужчина, и я едва не дернулась от облегчения.

Как только передо мной появились три кружки с пенящимся элем, я мгновенно прекратила эту игру в гляделки и перевела взгляд на бармена. Быстро поблагодарив, я кинула монеты на прилавок и уже собиралась двинуться к своему столику, как вдруг вампир выдал:

— Три кружки эля? Не много ли для тебя одной?

Наглая усмешка, перед которой наверняка пала ни одна сотня смертных, и не только, девушек, растянулась на его прекрасном лице. Но меня это только насторожило.

— А вам какое дело? — резко, вопросом на его вопрос ответила я.

— Ты впервые в «Мор»? Раньше я тебя здесь не видел, — промурлыкал он, словно кот, выпрашивающий сметану. — А как только увидел, сразу заметил такую красавицу. Да и ты хороша — глаз с меня не сводила. Понравился?

Я прищурилась. Он говорит, что это я за ним следила? Вот нахал! Да я, по сути, едва помнила о его существовании, пока он не очутился тут передо мной... Мои глаза округлились, а губы чуть приоткрылись от искреннего недоумения.

— Эм... Вы, видимо, переоцениваете свое обаяние, — фыркнула я, изобразив в ответ такую же самодовольную ухмылку, решительно взяла со стойки кружки и шагнула в сторону, намереваясь обойти его и сбежать от этого разговора, пока не потеряла самообладание.

Но увы, наглец даже не подумал отступить — встал передо мной, преграждая путь. Прищурил глаза и уставился на меня в упор. Я ответила тем же. Пару мгновений мы играли в гляделки, но никто из нас даже не двинулся.

Внутри меня все сжалось. Несмотря на показную дерзость, я с трудом унимала внутреннюю дрожь. Близость этого вампира внезапно взволновала меня, а такое пристальное внимание к моей персоне напугало. Никогда раньше я не стояла так близко к таким, как он, и тем более никогда не говорила с ними. А теперь один из представителей их вида не просто говорит, а явно дразнит меня... Возможно, мне стоило прислушаться к словам Лукаса и узнать о вампирах побольше, прежде чем я соберусь выйти замуж за одного из них.

— Могу ли я узнать твое имя, лакомка? — мурчит вампир, одаривая меня недвусмысленной улыбкой.

Лакомка?.. От возмущения мои брови ползут вверх, и почему-то предательски дергаются уголки губ, а улыбка от этого явно становится очень недоброжелательной. За кого он меня принял? За ночную бабочку в маске? Девуцу, которая ищет приключений на одну ночь, готовая продать ради плотских удовольствий не только свое тело, но и кровь? Ха! Пусть только попробует! С такими, как он, я никогда не церемонилась.

— Прости, но нет. И отойди. Ты мешаешь мне вернуться к друзьям, — сказала я, вкладывая в голос всю ту сталь, что хранила для таких случаев.

Но он даже не шелохнулся. Этот мужчина стоял передо мной, словно высеченный из мрамора, с тем же ленивым прищуром и хищным интересом на лице.

Я закипала от злости. Пальцы сжались так, что побелели костяшки. Все внутри зазвенело от желания выплеснуть эль прямо ему в лицо. В доме дяди от меня ждут кротости и тишины, но здесь, в дымной таверне, я могу быть собой. И если он считает, что может шутить со мной, как с какой-нибудь продажной девкой, то выбрал не ту жертву.

— Так ты не одна? — все тем же бархатным голосом спрашивает он. — А я-то думал, что такие загадочные красавицы в масках приходят в «Чашу Морр» с одной-единственной целью.

— Не угадал, — коротко бросила я, пытаясь сделать шаг в сторону, чтобы обойти его.

Он двинулся вместе со мной, не давая пройти. Его темно-красный взгляд скользил по моему лицу, спускаясь к шее и груди. И это напугало меня не на шутку.

— Может, я смогу переубедить тебя, лакомка? Выпей со мной. — Его голос стал ниже, почти интимным. Он звучал непривычно, тягуче, обволакивая, как сонный туман. Вампир шагнул ближе, а его рука поднялась к моему лицу. — Нет ничего более блаженного, чем кровь с алкоголем внутри из вены такой красавицы...

— Лив, все в порядке? — вдруг спросил знакомый голос, и теплая ладонь друга мягко легла мне на поясницу.

Я вздрогнула от прикосновения, и морок, созданный интонациями и взглядом вампира, рассеялся. Взглянув на Лукаса, я заметила, что взгляд его сердит, а ноздри раздуваются от едва сдерживаемой ярости. Тот же, в свою очередь, сделал вид, что не заметил моего друга, и даже не отвел от меня своего гипнотического взгляда.

— Все хорошо, — ответила я хрипловато, прочищая горло. Мой взгляд метался между ними.

— Позволь мне помочь, — сказал Лукас и протянул руки за кружками. Я с радостью отдала их.

Мы уже двинулись в сторону стола, как вдруг ледяные пальцы сомкнулись на моем запястье. Сердце пропустило удар. Вампир, по-прежнему невозмутимый, осторожно приблизил мою руку к своему лицу, как будто хотел оставить вежливый поцелуй на тыльной стороне ладони, но вместо этого, поднеся мое не скрытое рукавом запястье к своему носу, сделал глубокий вдох. Что за...

— Надеюсь, мы еще встретимся, лакомка, — проговорил он, улыбаясь уголками губ.

Мое сердце начало стучать о ребра, как запертая в клетке птица, неся кровь к тому месту, где вампир держал мою руку. Я поспешно выдернула ее из его хватки. К моему удивлению, он ее отпустил.

И тут же я заметила, что Лукас уже был готов сорваться и наброситься на вампира с кулаками. В его глазах полыхал огонь, а ноздри раздувались от ярости. Я развернулась к нему, оперев руку в его грудь, и постаралась поймать его взгляд. Когда Лукас наконец-то посмотрел на меня, одними лишь глазами и наклоном головы я попыталась передать ему: «Нам не стоит устраивать вторую драку за вечер. И конечно, мне не хочется, чтобы мой друг пострадал».

Когда я обернулась, вампир уже исчез. Оставшись наедине, мы с Лукасом переглянулись, кивнули друг другу и направились обратно к столику, где уже ждали еда и нетерпеливая Селия. Не успели мы устроиться поудобнее, как она, словно пружина, сорвалась с места и впиалась в нас взглядом:

— Что у вас там произошло? Рассказывайте!

Наблюдательность — ее вторая натура: ни один взгляд, ни один шорох не ускользнет от ее внимания.

— Ничего особенного. Тот вампир, что устроил потасовку, решил, будто может за мной поухаживать, — ответила я, сделав вид, что это не стоит и упоминания. Надеюсь, что этого объяснения будет достаточно, но Селия уже ахала, хваталась за грудь и требовала продолжения, будто слушала жаркую сплетню у лавки. — Сказали друг другу пару слов, — пожала я плечами, отхлебывая эль. — Он предложил выпить. Хотя, признаться, я сомневаюсь, что в его случае речь шла о пиве.

Мой взгляд многозначительно скользнул в ее сторону, и я чуть приподняла бровь. Посыл был понятен: его интерес не ограничивался кружкой напитка.

Лукас резко поднял голову и, как будто ждал только этого момента, вспыхнул:

— Вот видишь, Лив! Как бы вампиры ни пытались казаться благородными и цивилизованными, как бы ни прятались за законами, внутри они все те же хищники! Им нужно только одно!

Мы с Селией даже вздрогнули от неожиданности — настолько яростной была его тирада. Она замерла с приоткрытым ртом, я — с кружкой у губ. А Лукас, осознав, что немного перегнул, отвел глаза и сжал губы.

— Простите. Я не должен был так... — пробормотал он, глядя куда угодно, только не на нас.

Я очень хорошо знала своего друга. Его вспышка не была попыткой меня контролировать. Как городской страж он наверняка сталкивался с вампирами. И я могла понять его желание оградить меня от их мира. Но все же...

— Лу, я понимаю. Я правда понимаю, чего ты боишься, — проговорила я мягко, стараясь вложить в голос теплоту. — Но что мне остается?

Эти слова повисли в воздухе. Мы все молчали, потому знали: у меня нет выбора. Мой дядя уже направил нужные бумаги Хранителям, и теперь все зависит от их решения. Моя судьба в их руках.

— Пожалуйста, — тихо попросила я, — давайте больше не говорить об этом сегодня: ни о вампирах, ни об Обряде.

И мы замолчали. И пили. Вторая кружка, потом третья... Мы снова смеялись, кружились, болтали ни о чем. Время текло быстро, почти весело, как это бывает только в компании тех, кто знает тебя до глубины души.

До середины ночи мы оставались в «Чаше Морр», отгородившись от внешнего мира, а потом, словно тени, скользнули к экипажу, чтобы вернуться домой.

Конечно же, я не выспалась. Поздно вернувшись домой, не сразу смогла уснуть, а когда это все-таки удалось, мне приснились красные глаза с черным ободком, которые преследовали меня, куда бы я ни пошла. Я до сих пор ощущала прохладное прикосновение к своей руке, как будто мое запястье обожгли холодом. А от воспоминания о том, как вампир повел носом и вдохнул мой запах, по всему телу бежали мурашки.

Мое воображение, подогретое несколькими кружками эля, во сне не остановилось на этом. Вместо случившегося в баре оно рисовало мне картину того, что могло бы произойти, не отдерни я руку: глаза вампира заволокло тьмой, обнажившиеся острые клыки готовились впиться в мои вены, а я...

Я резко вынырнула из сна и сначала не поняла, где нахожусь. Словно рыба, выкинутая на берег, я рвано дышала, пытаюсь успокоить сердце, дико колотившееся после сна, и колкие мурашки до сих пор пробежали по телу.

Как только я перекатилась на другой бок, ослепительный солнечный свет больно хлестнул по глазам, и в висках резко запульсировало. Зажмурившись, я уткнулась лбом в прохладную подушку, надеясь отсрочить неизбежное. Казалось, тело налилось свинцом, и каждая его клетка протестовала против движения, но встать с кровати было необходимо.

Нужно умыться, одеться, спуститься вниз и найти Анну. Милая, терпеливая Анна наверняка уже колдует на кухне и, если повезет, приготовит для меня тот самый чудодейственный напиток от похмелья, который раз за разом готовит для дяди. Пахнет он ужасно, а выглядит еще хуже, но помогает безотказно. При одной только мысли об этой жиже желудок подал сигнал тревоги, но ради облегчения я была готова перенести даже это.

Завершив утренний туалет и облачившись в легкое повседневное платье, я выскользнула из своей комнаты и направилась на кухню, которая располагалась в пристройке на первом

этаже. Утром ночная травма дала о себе знать, как только я ступила на левую ногу: щиколотка отозвалась тупой болью, и теперь я поняла, что, вероятно, подвернула ее во время падения с дерева. И как я не заметила этого, когда плясала вчера как в последний раз?

Проходя мимо столовой, я случайно заглянула внутрь — и тут же остановилась. За столом сидели все: вся семья в полном составе мирно завтракала в лучах утреннего солнца, словно сойдя с портрета. Пройти мимо, не поздоровавшись, было бы крайне невежливо. Вздохнув, я собрала остатки сил в кулак, выпрямилась, нацепила на лицо маску благовоспитанной девушки и шагнула внутрь.

— Доброе утро, дядя Мортимер, тетя Алисия! — вежливо проговорила я, ступив в залитую светом столовую. — И тебе, кузина Ариетта, желаю приятного начала дня.

Я склонила голову, как подобает воспитанной юной леди, и уже собралась продолжить свой путь на кухню — не хотелось задерживаться в этой душной комнате дольше, чем того требуют правила приличия. Дядя, не отрываясь от утренней газеты, буркнул что-то нечленораздельное в ответ, отчего я позволила себе с облегчением выдохнуть. Моя миссия «показаться и исчезнуть» почти удалась. Но не успела я дойти до поворота в коридор, ведущий на кухню, как за спиной послышались стремительные шаги. Я обернулась, и, разумеется, увидела Ариетту. Ее юбка противно шелестела, а на лице было написано то ли любопытство, то ли раздражение.

— Где ты была вчера? — выпалила она, чуть запыхавшись.

Черт! Что?.. Как она узнала, что меня не было дома? Я ведь все предусмотрела: аккуратно уложила на кровать подушки и прикрыла их одеялом, оставила догоревшую до половины свечу... Кто бы ни зашел, он решил бы, что я давно сплю. Но Ари, вероятно, заявила в мою комнату и порылась там с дотошностью сыщика.

Я натянула на лицо выражение самой искренней невинности.

— О чем ты? Вчера я весь день провела дома, — солгала я, и глазом не моргнув.

Честно говоря, мое нынешнее состояние — туманная голова и безразличие ко всему — не позволяло выразить ни стыд, ни раздражение. Спасибо похмелью!

— Я заходила в твою комнату, и ты — надо же! — там не спала. А было уже далеко за полночь, сестрица.

— Наверное, спустилась в библиотеку, — ответила я, небрежно пожав плечами. — Бывает, мысли мешают уснуть, а книги помогают.

Я едва сдержалась, чтобы не добавить: «Не думаю, что ты когда-нибудь испытывала подобное». Однако благоразумие одержало верх — сейчас мне было важнее добраться до Анны и ее варева, чем ввязываться в словесную дуэль.

— Какие такие мысли? — ядовито поинтересовалась Ариетта. — Неужели предвкушение участия в Обряде Крови лишило тебя сна?

— Нет, — ответила я спокойно. — Это меня не тревожит.

И это была чистая правда: я не боялась Обряда. Переживала за результаты — да. Но страха в его чистом виде не испытывала.

— Не ври мне! — повысила голос Ариетта, и в моей голове тут же загудело, как в колокольне Цитадели Верховных хранителей. — Вчера на вечере у де ла Коста матушка все мне рассказала. Отец вписал и твое имя в бумаги. Наравне с моим! — Ее голос сорвался на визг, отчего мою голову пронзила новая стрела боли.

Я мысленно досчитала до десяти, лишь бы не взорваться.

— Насколько мне известно, ответ хранителей еще не пришел, — тихо сказала я, — так что ты рано беспокоишься.

— Ты незаконнорожденная сиротка! Кого ты вообще сможешь привлечь во время Обряда?

Вот Ариетта и начала показывать свое истинное лицо, выплескивая яд в мою сторону. И пусть ее слова не были для меня новы, они все равно укололи сильнее, чем хотелось. Я

давно пыталась выстроить в себе внутренний щит от этих придирок кузины. Иногда думала, что могу посочувствовать ей, даже пожалеть. Не знаю, что лучше — иметь такую мать, как Алисия Грейвз, или не иметь матери вовсе.

— Ты будешь выглядеть бледной тенью рядом со мной: ни красоты, ни родословной, ни приданого.

Я промолчала. Так было проще. Молчание — моя броня. Пусть считает, что выиграла. Пусть думает, что ее слова достигли цели. Я знала: если сейчас отвечу, разговор затянется. А мне нужна не победа в словесной перебранке — мне нужны Анна и ее чудо-зелье.

Но тут я вспомнила, что после неожиданной встречи в «Чаше Морр» намеревалась расспросить Ариетту о вампирах, обитающих в нашем высшем свете. У Лукаса явное предубеждение на их счет, а Селия вчера призналась, что знает не больше моего. Но расспрашивать тетю или дядю я не имела никакого желания.

Оставался еще Бен — мой младший кузен, с которым у нас сложилась дружба, хотя он был родным братом Ариетты и мог бы относиться ко мне так же, как она. С тех пор, как Бен начал путешествовать по континенту и островам, он, возвращаясь домой, подолгу сидел со мной в библиотеке, рассказывая о своих странствиях. Да и до того всегда был добрее ко мне, чем Ариетта. Так или иначе, Бен сейчас не в городе, да и о потенциальных женихах он знает, пожалуй, немного.

Значит, нужно узнать у Ари. Кто, как не она, по прихоти своей матушки не пропускает ни одного бала? Кто с юности упражняется в кокетстве и искусстве светской игры? Если кто и знает, как ведут себя вампиры в высшем обществе, так точно она. Я лишь надеялась на то, что их манеры отличаются от поведения того наглеца в таверне. Вот почему я совсем передумала дерзить Ариетте: от нее можно чего-то добиться только лестью и только согласившись со всем, что она говорит.

— Ари, я и не думаю, что могу хоть в чем-то сравниться с тобой, — вкрадчиво начала я. — Ты, без сомнения, будешь одной из главных невест в этом сезоне. С твоими родословной и подготовкой у тебя не возникнет ни малейших трудностей.

На губах кузины тут же расцвела довольная улыбка:

— Как хорошо, что ты наконец это поняла! Не хотелось бы ставить тебя на место перед всеми на балу, — с самодовольной улыбкой отчеканила она.

Я проглотила ответный комментарий, вместо него предложив новую наживку:

— Более того, я ведь никогда не выходила в свет. Ни танцев, ни разговоров с благородными мужчинами... А о вампирах, которым нас будут представлять, и вовсе ничего не знаю. Ты единственная, кто может мне это объяснить.

Ариетта захохотала, сложив ладони под подбородком, как будто я озвучила самый лестный комплимент в ее жизни.

— И правда! Как же я могла забыть! — воскликнула она с жеманным смехом. — Ты ни разу не бывала на приемах! Ни один настоящий лорд даже не взглянет в твою сторону. В лучшем случае — какой-нибудь захудалый барон. Если вообще кто-нибудь удостоит тебя внимания.

— Ты же много общалась с ними... Расскажи, какие они!

Она клюнула.

— Вампиры? Они обворожительны. Богаты, влиятельны и, что самое главное, почти всегда безупречно воспитаны. Прекрасные танцоры! Думаю, магия делает их движения особенно грациозными. Иногда глаза разбегаются, кого выбрать первым! Например, вчера лорд Ханнес пригласил меня на танец, а в то же время граф Литлсфилд предложил освежиться и прогуляться по саду... — Она могла говорить вечно, и я позволила ей это: чем дольше Ари болтает, тем больше деталей я могу узнать.

— Видишь? Ты уже их покорила, — вставила я с притворной искренностью. — А я для них буду словно невидимка.

— Конечно, покорила! — Ари прямо-таки сияла. — Даже матушка похвалила меня. Сказала, что я правильно сделала, выбрав лорда Ханнеса. К слову, его род пошел от Первых вампиров.

Я кивнула, скрыв скуку за вежливой улыбкой. Вопрос был задан, информация получена — миссия выполнена.

— Я очень за тебя рада, Ари! Но, если ты не возражаешь, я бы хотела отправиться на кухню и позавтракать, — с трудом сдержав вздох, сказала я.

— Ладно, иди. Отпускаю тебя, — великодушно разрешила она.

Я уже почти скрылась за углом, когда ее голос снова догнал меня:

— Ах, да! Ливиана! Папá просил передать, что сегодня в семь званый ужин. Бен возвращается с Эвениана. Надень что-нибудь приличное: у нас будут гости.

Вот и еще один повод ускориться! Моя голова продолжала раскалываться, и состояние было далеким от «приличного», но я уже слышала тихий голос Анны с кухни, а вместе с ним — и аромат еды, и поэтому поспешила прочь, оставив Ариетту, сверкающую своей коварной улыбкой, в коридоре. Сегодня победа досталась ей. Ну и пусть! А меня ждут завтрак и кружка спасительного зелья.

Глава 5

Я продолжила читать мамин дневник. «Отец не прислушался ко мне. И почему я вообще надеялась, что на этот раз все будет иначе? У меня нет выбора. Я обязана участвовать в этом сумасшествии. Надеюсь, Калия У. сможет достать те травы. Возможно, у меня есть шанс выкрутиться. *Еще не все потеряно*».

Кто такая Калия У.? Порывшись в памяти, я не смогла припомнить никого с таким именем. Раз мама собиралась к ней обратиться, значит, Калию она знала лично или, по крайней мере, доверяла ей.

«Возможно, у меня есть шанс выкрутиться. Еще не все потеряно...» Мой интерес возрастал. Очень хотелось узнать, почему мама пыталась избежать участия в Обряде и Отборе.

Я аккуратно положила маленькую закладку между страницами и подумала, что вечером обязательно покажу этот отрывок Селии. Интуиция подсказывала: упомянутая в маминном дневнике женщина может оказаться кем-то из целителей, что работали с травами. Записи обо всех служащих в Обители велись с особой тщательностью и регулярностью, и Селии не составит труда заглянуть в архивы.

После сытного, хоть и несколько позднего завтрака я решила больше не покидать свою комнату до самого ужина. Мне предстояло встретиться с семьей и их гостями за одним столом, а главное — с Беном, которого я не видела уже... Сколько? Месяца три?

Его возвращение с Эвениана стало настоящим событием. В доме уже царил особая суэта: кухня гудела, по коридорам сновали служанки с подносами и столовым серебром, а со второго этажа отчетливо слышался голос Ариетты, которая, по всей видимости, выбирала себе наряд. У меня не было желания становиться активной участницей этой суматохи, поэтому я спряталась от него в своей комнате. Даже на обед не спустилась — аппетита совсем не было, да и никакого желания вести светскую беседу, сидя внизу, тоже. Вместо этого я устроилась на широком подоконнике в своей спальне, завернувшись в плед и наблюдая, как меняют положение тени на земле, предвещая скорый закат. Мне нужно было сохранить силы — за ужином они наверняка понадобятся.

На третьем этаже звуки снизу были едва различимы: шум шагов, глухие голоса, позвякивание посуды... Слуги сновали туда-сюда, готовя дом к приему гостей, и почти вся суэта сосредоточилась на первом этаже. Но один звук — отчетливый — я узнала сразу: он доносился снаружи, сквозь чуть приоткрытое окно моей спальни, обращенное к главному входу.

Гравий под копытами и колесами захрустел, и я сразу поняла: у дома остановилась карета. Отложив дневник и с неохотой оторвавшись от размышлений, я подошла к окну. Прикоснувшись лбом к прохладному стеклу, посмотрела вниз.

Дверца кареты распахнулась, и из нее выскользнул молодой мужчина в дорожной одежде. Он легко спрыгнул на землю, оглядел дом с хорошо знакомым прищуром, и я узнала его сразу. Улыбка расцвела на моем лице от осознания, что сегодняшний ужин в кругу семьи будет не таким уж и тягостным. Это был мой кузен Бенедикт.

Пока я наблюдала за ним из окна, он нырнул обратно в карету, вытащил оттуда небольшой саквояж, в котором могло уместиться только самое необходимое, затем что-то коротко сказал кучеру и отправил того восвояси, а после уверенно зашагал к крыльцу.

Я позабыла о головной боли и поврежденной лодыжке. Все померкло перед желанием встретить его первой. Сорвавшись с места, я почти сбежала по лестнице, едва касаясь ступеней. Сердце забилось в радостном нетерпении. Я давно не видела Бена, а последнее письмо от него пришло три недели назад. Каждое послание я перечитывала по несколько раз: рассказы о мастерстве местных стеклодувов, странных обрядах и традициях эвенианцев... Его письма были как окно в другой мир.

Когда я достигла лестничной площадки, Бен уже успел снять сюртук и передать его Гилему, нашему дворецкому. Выглядел он почти так же, как и раньше, но с одной разительной переменной: волосы, ранее доходившие ему до плеч, теперь были острижены коротко, подчеркивая резкие черты лица. Даже его знаменитая челка, вечно падающая на глаза, исчезла.

Ариетта унаследовала красоту своей матери, но Бен был копией отца: густые темно-каштановые волосы, широкие брови и те же серо-зеленые глаза, так похожие на мои. Поставь нас рядом, и незнакомец скорее бы принял за сестру Бена меня, а не Ари. Возможно, именно это и сблизило нас.

Бен с детства отличался от Ари: в нем было больше живого любопытства, свободолюбия, стремления к пониманию сути вещей. Он хотел не просто унаследовать дело отца, а мечтал изучить его до мельчайших деталей, узнать, как производится стекло, которое потом превращается в посуду, предметы интерьера и другие изделия, которые наша семья так успешно продает по всему Морвейну.

Я не могла дождаться, когда услышу его новые истории. Хотела знать, что еще он повидал, чему научился, что открыл в себе за эти недели вдаль от дома. Бен был не просто моим кузеном — он был другом. Вторым в этой семье, кто считал меня ее частью, а не временной и с трудом терпимой гостьей.

— Бен! Ты вернулся! — воскликнула я, с радостью направляясь к нему по мраморному полу холла.

Он обернулся на звук моих шагов, и его уставшее, запыленное после дороги лицо озарила широкая, теплая улыбка.

— Ливи! — сказал он с удивлением и нежностью в голосе. — Не ожидал, что ты будешь первой, кто встретит меня.

Мы шагнули друг к другу одновременно. Он крепко обнял меня одной рукой, а затем мягко поцеловал в обе щеки — сдержанно, по-родственному.

— Увидела тебя из окна, — сказала я, отступив на шаг, чтобы лучше его рассмотреть. — Остальные, похоже, слишком заняты, чтобы выйти к тебе. И... Бен, что случилось с твоей прической?

Он рассмеялся, проведя рукой по аккуратно подстриженным волосам на затылке — теперь слишком коротким.

— Эвенианская жара победила мои принципы, — с усмешкой ответил он. — Да и, признаться, при работе со стеклом иметь длинные волосы крайне неудобно и даже опасно. Поверь: когда работаешь у горячей печи и локон падает на лицо, переосмысливаешь все, что думал о длинных волосах.

— С этой стрижкой ты выглядишь более... взрослым, что ли, — призналась я, продолжая разглядывать его с интересом. — Но тебе идет, кузен.

— А где все? — спросил он.

— Дядя у себя в кабинете. Тетя и Ари... — И тут сверху раздался узнаваемый визг. — Они готовятся к ужину в честь твоего приезда. Но ты и сам слышишь. — Я закатила глаза, и мы с пониманием переглянулись.

— Н-да... Не представляю, как это я не слышал этих ее криков на острове, — шепнул он.

— Счастливчик, — хмыкнула я в ответ.

Мы обменялись взглядами, полными взаимопонимания, и стало ясно: между нами все осталось как прежде.

— Пока спускалась, я видела, что в твоей спальне уже заканчивают прибираться. Ты, наверное, устал с дороги, захочешь отдохнуть и переодеться перед ужином, — сказала я и заметила, что Гилем уносит багаж Бена наверх. Сам же он стоял, держа в руках большую пачку писем.

— Да, это звучит просто прекрасно! — кивнул Бен, но не сделал и шага в сторону лестницы. — Но сначала я должен передать отцу эти письма. Как только стало известно, что я возвращаюсь домой, все его торговые партнеры наперебой стали совать мне корреспонденцию.

— Похоже, тебе устроили почтовую миссию, — пошутила я. — Что ж, дядя будет рад получить вести с острова. Но, боюсь, это значит, что мы не успеем поговорить до ужина...

— Скорее всего, — с сожалением ответил Бен. — Но ведь я уезжаю не завтра! Мы обязательно засядем в библиотеке, и я расскажу тебе, как посетил небольшой остров по соседству с Эвенианом, а еще как научился красить стекло. У меня для тебя так много историй!

— А у меня, возможно, есть несколько для тебя, — загадочно произнесла я, приподнимая брови.

Бен кивнул, понимающе глядя мне в глаза, и уже развернулся, чтобы идти в кабинет.

— До скорого, кузина! — бросил он через плечо и начал подниматься по лестнице, перепрыгивая через ступени, как делал в детстве.

Часы в холле пробили ровно пять, и почти сразу же, как по заклинанию в зловещей сказке, за спиной раздался раздраженный голос.

— Ливиана, с кем ты тут разговаривала? — спросила тетя Алисия. — Она смерила меня острым взглядом, будто выискивая слабое место, к которому можно придаться. Не дождавшись ответа, она резко продолжила: — И почему ты до сих пор не одета? Гости начнут съезжаться менее чем через час, а ты выглядишь... как прислуга. Ты, по-видимому, всерьез решила опозорить нас всех?

Я развернулась к ней, стараясь говорить ровно и без вызова: любое неверное слово могло спровоцировать бурю.

— Нет, тетя. Я переоденусь в ближайшие минуты и буду выглядеть так, как полагается.

Алисия прищурилась, губы ее скривились в недовольной гримасе.

— Поторопись, Ливиана. Ты никогда не будешь выглядеть достойно, но если уж не способна блистать, то хотя бы не заставляй Мортимера и меня краснеть за тебя перед гостями. — Не дожидаясь ответа, она резко повернулась и исчезла в столовой, где слуги спешно заканчивали сервировку.

Я вернулась в свою комнату и до ужина просидела там. Неспешно наряжаясь к вечеру, я через окно посматривала на подъездную аллею перед домом. Спустя полтора часа после прибытия Бена начали подъезжать новые экипажи. Из одной довольно непримечательной, но крепкой кареты вышел Лукас; он подал руку сначала своей мачехе, а потом и сестре. Последним показался их отец — высокий, статный мистер Монтанари в темно-синем камзоле. Их появление было для меня сигналом: пора спускаться. Мои друзья — это единственные молодые люди, с которыми я могла завести непринужденную светскую беседу, не боясь попасть впросак. До этого времени я не видела для себя необходимости быть внизу и встречать гостей.

Спускаясь, я наслаждалась тем, как шелестит юбка моего вечернего платья. Оно было моим любимым: глубокий изумрудный атлас обнимал корсаж, а тонкое гипюровое кружево бордового цвета обрамляло нежный вырез лодочкой; полупрозрачные рукава, украшенные оборками из органзы, едва касались локтей, а легкая нижняя юбка цвета спелой вишни мелькала в разрезах тяжелой верхней ткани, словно отблеск рубина в глубине зеленого стекла. Волосы я заколола наверху, позволив нескольким локонам свободно падать на шею — нарочно небрежно, будто не старалась вовсе, хотя на деле перед зеркалом я провела не меньше получаса. Изумруд платья подчеркивал оттенок моих глаз, делая их особенно выразительными при свете люстр и свечей, уже зажженных в холле.

Войдя в столовую одной из последних, я сразу почувствовала напряжение, скрытое за тонким покрывалом учтивости. Тетя Алисия управляла рассадкой гостей так, словно вела боевую операцию: с холодным расчетом и стратегической выверенностью, будто от правильного расположения каждого за столом зависело будущее нашей семьи.

Дядя Мортимер, как и полагается хозяину дома, восседал во главе стола, окруженный людьми, которых явно считал главными фигурами вечера: ключевыми торговыми партнерами, верными друзьями. Конечно, был здесь и его вернувшийся сын Бенедикт. Тетя заняла место на противоположном конце, рядом с Ариеттой, которую, по всей видимости, намеренно окружили благородными матронами и их холостыми сыновьями — потенциальными женихами, если уж говорить прямо.

Я же оказалась аккуратно втиснута между одним из самых старых и занудных клерков дяди — мистером Харроу, который уже приподнимал свое пенсне и пытался рассмотреть закуску перед собой, — и Беном, что, к счастью, немного скрасило мою участь. Напротив расположился Лукас; его взгляд был отстранен, он отвечал сестре рассеянно и больше заботился о том, чтобы вовремя подать мачехе тарелки.

Селия, сидевшая по левую руку от брата, то и дело бросала взгляды на моего кузена. Быстрые, едва уловимые движения ее ресниц, легкая улыбка — все выдавало живой интерес. И в самом деле, Бен заметно изменился: короткая стрижка делала черты его лица более строгими, а уверенность во взгляде говорила о взрослении. Вкупе с будущим положением наследника торгового дома — вполне себе завидная партия. И для Селии... Я оборвала собственные мысли. Нет, сейчас не время и не место рисовать себе ненужные картины.

Слева от меня слышался женский щебет с жеманными смешками и заискивающими взглядами в сторону молодых мужчин. Это быстро наскучило мне, и я отвернулась к мужской стороне стола, где разговор, похоже, достиг интересной точки. Слуги тем временем принесли первые блюда: легкий куриный бульон с травами, миниатюрные пирожки с дичью, орешки в меду. Вино мягко заструилось в бокалы, наполняя воздух терпким ароматом.

— Как только мы получим этот контракт, — говорил седовласый господин с кольцом-печаткой, сидевший рядом с дядей, — сможем направить официальное ходатайство о снижении пошлин Его Величеству. Все высшие дома уже заинтересованы в стекле, которое позволяет вампирам находиться внутри помещения и не бояться солнца, но при нынешних ценах они с трудом могут позволить себе заменить витражи.

— В окнах главного замка кровопийц стоит же такое стекло, разве нет? — спросил чуть более молодой, но тучный мужчина с русыми волосами, на затылке которого уже виднелись первые намеки на лысину. — Конечно, все темнорожденные хотят ходить при свете дня. Но согласится ли Его Величество разделить эту возможность со всеми своими подданными?

— Не думаю, что король окажется столь глупым и недалекновидным, чтобы отказать своему близкому кругу в такой привилегии, — ответил тот же седовласый господин. — Его правление постепенно клонится к закату, но он вряд ли захочет уйти на покой раньше. Тем более ходят слухи, что наследник — тот еще повеса, который чаще проводит свое время в...

— Брон, за столом дамы! — осадил седовласого дядя Мортимер, глянув в мою сторону. И все на мгновение затихли — был слышен только стук приборов о тарелки.

Дядя, сложив руки перед собой, потер подбородок, в раздумье глядя на сына.

— Так или иначе, Бенедикт работает над этим вопросом уже полгода. Уверен, что мы сможем привезти первую партию к середине осени и выставить ее в королевском павильоне.

Все с уважением переглянулись. Торговля стеклом, особенно таким, что обработано средством, секрет которого эвенианцы еще никому не раскрывали, считалась перспективным направлением. И тот, кто убедит островитян продавать такое стекло Морвейну, точно сорвет куш. Бену прочили блестящее будущее.

Я искоса взглянула на Лукаса, который, как и всегда, не проявлял особого интереса к разговорам о прибыли, пошлинах или торговых монополиях. Он мягко поправлял платок у горла и что-то отвечал Селии. Не желая, чтобы мой друг оставался в стороне, я легонько подтолкнула ногу Бена под столом. Тот глянул на меня удивленно, и я, чуть кивнув в сторону

Лукаса, выразительно подняла брови. Бен понял все без слов. Он наклонился вперед и с тем дружеским запалом, который я так в нем любила, включил Лукаса в разговор.

— Как продвигается твоя служба? — обратился к моему другу Бен, мило улыбаясь, явно побуждая того ответить. — Насколько я помню, ты уже два года в городской страже. Задумывался, куда дальше?

Лукас оживился. Его глаза загорелись интересом, и он отложил вилку.

— Ты верно запомнил, Бенедикт, — с легкой тенью гордости начал он. — Я действительно служу уже почти два года. И совсем недавно... точнее, сегодня утром подал прошение о переводе в королевскую гвардию.

Я не смогла скрыть удивления и посмотрела на него в упор. Почему он мне не сказал? Мы ведь так много говорили вчера вечером... Разве он мог не упомянуть об этом? Или не захотел?

Обида кольнула меня, и я опустила взгляд, пытаясь скрыть свою реакцию от остальных. Королевская гвардия служит вампирам. А вчера ночью Лукас ясно дал мне понять, как относится ко всему их роду. Зачем ему переходить на службу к темнорожденным, если он так их ненавидит?

С другого конца стола послышался одобрительный голос дяди Мортимера.

— Энцо, — он повернулся к отцу Лукаса, — ты должен гордиться своим сыном. Королевская гвардия в двадцать три года — это почетно! — Дядя поднял бокал, торжественно отсалютовал им Лукасу, и несколько мужчин последовали его примеру.

Лукас благодарно кивнул, но не посмотрел в мою сторону. Возможно, не заметил моего замешательства, а может, сделал вид, что его это не волнует.

Разговор за столом стал оживленным: мужчины обсуждали будущие сделки, пытались узнать у Бена, как ему удалось убедить эвенианцев торговать с нами особым стеклом, а женщины сдержанно улыбались и переговаривались о нарядах и будущих балах.

Вечер проходил спокойно. Блюда менялись одно за другим, а вина в графинах заметно убавилось. Румянец на щеках гостей разгорался, и вот уже некоторые мужчины начали подниматься из-за стола, намекая на грядущую беседу с сигарами в кабинете. Я же собиралась уйти вслед за женщинами в гостиную, как вдруг на пороге столовой появился Гилем. Он шагнул в залу с привычной сдержанной грацией и, приблизившись к дяде, вручил ему свернутый в тугой рулончик лист плотной бумаги, скрепленный синей сургучной печатью.

Дядя нахмурился, быстро сломал печать и развернул письмо. Его взгляд пробежал по строчкам так стремительно, будто он знал, что в нем, и лишь хотел удостовериться. Затем дядя поднял глаза: сначала на тетю Алисию, затем на Ариетту и, наконец, на меня. В уголках его рта заиграла довольная улыбка, и он встал. Тишина накрыла столовую, как легкая вуаль: все тут же замерло, ожидая.

— Друзья мои! — начал дядя торжественно, поднимая бокал. — Какая радость, что именно сегодня, находясь в кругу семьи и самых близких людей, я имею честь огласить весть, только что полученную от хранителей. — Он сделал паузу. — Обе девушки из моего дома — моя дочь Ариетта и племянница Ливиана — признаны достойными и допущены к участию в грядущем Обряде Крови и Отборе этого года!

Глава 6

Мой вдох получился слишком коротким, а воздух в комнате вдруг стал гуще, чем сливки для заварного крема. Ну, вот и все... Обратной дороги теперь не существует — по крайней мере, той, что вела бы в привычную, понятную жизнь.

Я не отрываясь смотрела на дядю. Его глаза сияли отеческой гордостью, надеждой, какой-то непередаваемой радостью, которую он и сам, кажется, не ожидал испытать. Потом я перевела взгляд на тетю. Она стояла с прямой спиной и высокомерным выражением лица, которое, должно быть, изображало триумф. Рядом с ней была Ариетта. Ох, Ари... Она глядела на всех так, как, наверное, смотрят коронованные особы в момент венчания на царство: будто весь этот вечер, и письмо, и сам Обряд Крови были созданы исключительно для нее. В ее глазах я уже проиграла, еще не вступив в игру.

Я повернула голову к другой стороне стола. Селия, моя чуткая и понимающая Селия, смотрела на меня с легкой тревогой, будто пыталась глазами передать: «Я рядом и поддерживаю тебя». Лукас же был неподвижен, как статуя. Его лицо застыло и не выражало никаких эмоций. К моему удивлению, Бенедикт глядел на меня с доброй полуулыбкой. Я ответила ему едва заметным кивком и увидела, как после этого он перевел взгляд на дядю и почти незаметно кивнул ему.

Опустив глаза, я пыталась хоть как-то собрать мысли. Я участница Обряда Крови. Это то, к чему я стремилась. Мой шанс на достойную жизнь. Мой путь. Так почему же внутри — холодная отрешенность? Почему я дрожу и пугаюсь?

Всю свою жизнь я прожила в мире людей. Да, мы делили королевство с магами и вампирами. Да, в хрониках говорилось о многовековом союзе наших рас. Но все это всегда казалось мне далеким, почти мифическим...

Звук постепенно возвращался: сначала — легкий звон бокалов, затем — голоса, шелест тканей, громкий смех...

Гости повставали со своих мест. Мужчины собрались подле дяди, женщины окружили тетю и кузину. Все поздравляли их: одни искренне, другие — из вежливости, пряча за улыбками зависть.

Я тоже встала, будто по инерции, и сделала несколько шагов, почти забыв, куда направлялась.

Ах да, дневник. Я же хотела показать Селии отрывок, связанный с Калией... Но взгляд натолкнулся на Лукаса. Он не сводил с меня глаз, пока я обходила стол и шла к нему.

— Пойдем, — выдохнула я и, не дожидаясь ответа, схватила его за руку, увлекая прочь, в коридор между столовой и кухней, туда, где было меньше ушей.

Когда мы оказались вдвоем, я не отпустила его руки — напротив, еще крепче сжала ее обеими ладонями, будто хотела его удержать, а может, чтобы самой обрести опору.

— Лу... Королевская гвардия? — прошептала я. — Почему ты не сказал вчера?

Он посмотрел на меня снисходительно.

— Лив, вчера был твой вечер. Мы смеялись, пили и танцевали. Ты же сама просила не говорить о сложном! Так зачем мне было заводить об этом разговор?

— Затем, что ты мой друг, — срывающимся голосом возразила я. — Потому что это важно. Потому что ты... Ты же ненавидишь вампиров! А служба у них — это почти пожизненно. Гвардейцы ведь клянутся служить короне до конца жизни. Разве не так, Лу?

Он молчал. Лицо его оставалось непроницаемым, но в глазах зажглось что-то темное. Обида, гнев или боль — я определить не могла.

— Все, чего я когда-либо хотел... — сказал он тихо, почти шепотом, — мне больше не суждено это получить. Так что да, служба у чудовищ — единственное, что мне остается. — С этими словами он отвернулся от меня и попытался вырвать руки, но я не отпустила.

— Лу...

— Я искренне надеюсь, — перебил он грубо, — что ты тоже получишь все, чего хочешь, и будешь счастлива.

После этих слов он вырвался из моей хватки и пошел прочь по направлению к мужчинам, которые, судя по голосам, уже перемещались из столовой в кабинет дяди. А я стояла, прислонившись к холодной стене, и не могла пошевелиться.

«Все, чего я когда-либо хотел...» Эти слова звучали в голове гулким эхом. Неужели... О Благая Богиня, неужели его чувства ко мне так и не остыли за все эти годы? Когда мы были моложе, я принимала внимание Лукаса с легкой тенью наслаждения. Он был моей опорой, моим щитом, и мне это нравилось. Я чувствовала себя нужной, важной, особенной рядом с ним. И, быть может, именно из-за этого когда-то позволила случиться тому, что случилось...

Это произошло в день моего шестнадцатилетия, когда Лукас подарил мне те милые стеклянные сережки. Он наклонился ко мне, и наши губы на несколько секунд соприкоснулись. Сначала поцелуй был нежен, но когда я почувствовала легкое давление его губ на мои, то отстранилась первой.

Мои глаза во время первого поцелуя были открыты. И, признаюсь, я ничего не почувствовала — никакого огня, никакой тяги. Все происходило не так, как описывалось в книгах. А Лукас... Он смотрел на меня, будто я — весь его мир, и я испугалась. С тех пор я держала дистанцию и надеялась, что его чувства пройдут, как и все юношеские увлечения. Но, видно, ошиблась. И возможно, сейчас я сделала ему большее, чем когда-либо прежде.

Я задержалась в полумраке коридора, чтобы прийти в чувства, а затем, стряхнув с себя остатки разговора с Лу, шагнула обратно в столовую. В дверях мелькнула желтая юбка — Ариетта покинула комнату последней, и я последовала за ней. Сейчас мне нужно было одно — найти Селию и утащить ее в свою комнату, пока голова окончательно не распухла от всего случившегося.

Скорее всего, она уже сидела в гостиной — там, где собирались женщины, как только заканчивалась официальная часть вечера. Я поспешила туда, и стоило мне пересечь порог, как комната будто застыла: все головы повернулись ко мне одновременно, как по команде, а разговоры затихли.

Гостиная, оформленная в зеленых тонах с приглушенным золотом в отделке, тонула в мягком свете ламп и благоухала корицей, сахаром и цветочным парфюмом. Повсюду стояли изогнутые кушетки и кресла, обитые бархатом с изображением роз и лилий, украшенные затейливыми вышитыми подушками. Чай и десерты уже были поданы, и все дамы, разделившись на группы, разместились здесь, чтобы продолжить обсуждать что-то несомненно крайне скучное.

Тетя Алисия сидела в центре, как паучиха в сердце своей паутины, окруженная светскими подругами. Она даже не потрудилась скрыть, как внимательно следит за каждым моим шагом. Ее глаза прошлись по мне сверху вниз, будто оценивали, достойна ли я дышать с ними одним воздухом. За весь вечер она не удосужилась сказать мне и двух слов, не считая того недолгого случайного столкновения после прибытия Бена. И, если быть честной, я даже радовалась этому. Терпеть молчание, как ни странно, для меня было легче, чем сносить ее колкие комментарии на людях.

Я увидела Селию: вместе со своей матушкой она сидела на низком диване с изогнутыми ножками в углу. На столике перед ними стояли заварник и кувшинчик со сливками. Я направилась к ним, стараясь держаться, как учила в детстве гувернантка: с прямой спиной, не спеша, но решительно.

Селия улыбнулась, приподняв брови в немом вопросе. Я покачала головой в ответ и опустилась рядом. Она тут же подала мне чашку:

— Чаю?

Я с благодарностью приняла горячий напиток и сделала глоток, с трудом удержавшись от того, чтобы не скривиться: чай, конечно же, был с молоком. Это был тот самый вид чая, который я терпеть не могла.

Наклонившись к Селии, я тихо прошептала ей на ушко:

— Через пять минут поднимайся ко мне. Кое-что покажу.

Глаза подружки засияли, а губы изогнулись в лукавой полуулыбке. Она, конечно, уже догадалась. Мы только вчера обсуждали дневник моей матери и тот странный фрагмент, который я успела прочесть.

Спустя десять минут я прикрыла дверь своей комнаты, пропустив Селию внутрь. Повернувшись, я увидела, что подруга уже забралась на мою кровать, поджав ноги под себя, как делала еще в детстве, и поспешила к комоду, чтобы достать дневник.

— У нас вряд ли есть достаточно времени, — бросила я, усаживаясь на край кровати и открывая нужную страницу. — Вот эта запись. Читай! — Протянув Селии дневник, я пальцем указала на строки, где мама с тревогой писала о приближающемся Обряде и упоминала некую Калию У. — Я думаю, Калия могла быть из Обители Целителей, — начала я, при этом начав расхаживать по комнате.

Селия осторожно перелистнула страницу, потом подняла на меня взгляд и тихо, но уверенно проговорила:

— Это могла быть простая женщина. Ты ведь знаешь, Лив, услуги целителей стоят дорого... Иногда люди обращаются к знахаркам.

Я застыла на полпути к письменному столу. Конечно! Об этом я не подумала. Если Калия — обычная женщина, не имеющая отношения к магам... тогда найти ее почти невозможно. Если в Обители целителей или Цитадели хранителей можно найти записи о бывших служащих в Хрониках, то люди никогда скрупулезно не документировали всех новорожденных, не делали записи о смертях, местах жительства или работы.

— Черт, я не подумала об этом... — Разочарованно выдохнув, я упала на стул, стоявший у дубового письменного стола. — Но ты же можешь глянуть в ваших архивах, да? Вдруг нам повезет? — Я подняла глаза на Селию.

Она уже подошла ближе, села передо мной и взяла мои ладони в свои.

— Я обязательно поищу, — сказала она. — Обещаю. Я понимаю, как это важно. Это ведь твоя мама! Но Лив... Что ты надеешься найти? Что это даст?

Я замерла и задумалась. И действительно: что я пытаюсь отыскать, читая мамин дневник?

— Селия, Обряд. Ты же была в столовой полчаса назад! Я... Я участница. И несмотря на то, что я всегда этого хотела... — Я запнулась, чуть не сказав «боюсь».

Я что, боюсь Обряда? Или его результата? И если да, чего именно я боюсь больше? Оказаться недостойной или, наоборот, слишком подходящей? Я решила подумать об этом позже, а пока продолжила:

— Просто волнуюсь. Что покажет им моя кровь? Будет ли она сильной или окажется слабой? Кого я смогу привлечь до Отбора?

Вопросы вырвались из меня, как будто только этого и ждали. Я была слишком заиклена на том, чтобы попасть в список участниц, и не особо думала, что будет потом. Результат Обряда от меня не зависит.

— Ох, Ливи! — Подруга наклонилась и крепко меня обняла.

Ей эта участь не грозит. Ее мужем будет человек — наверняка состоятельный и трудолюбивый, без бремени титула. И уж тем более он будет обычным, теплокровным. Будет есть то же, что и она, и спать они будут вместе. Родят детей, состарятся. А мне предстоит...

Я и понятия не имела, что именно. Что значит быть женой вампира? Спят ли они вообще? Как, а главное — кем они питаются сейчас? Насколько их тела отличаются от наших? Я не знала. И, по своей глупости, ранее даже не задумывалась об этом. Это пугало меня больше, чем я готова была признать.

— Ты справишься, Лив. Я уверена, — произнесла Селия и улыбнулась. — Это же ты! Ты пережила миссис Грымзу. Не думаю, что муж-вампир окажется страшнее нее. — И мы вместе засмеялись.

Селия всегда умела меня отвлечь, а ее вера в то, что я смогу перенести все невзгоды, которые выпадут на мою долю, очень воодушевляла. Мне приходилось только надеяться, что она окажется права.

Глава 7

Следующим утром тревога все еще тлела где-то под ребрами, как не догоревшие до конца поленья в камине. Она не жгла, но и не давала о себе забыть. Лежа в кровати, я на мгновение задержала дыхание, прислушиваясь к себе — к этому неприятному ощущению в груди, к вязкому беспокойству в животе.

И все же нет — я решительно не собиралась поддаваться панике. Это ведь было так на меня непохоже! Я боец. Я не отступаю, даже встретившись с неизвестностью. Что бы ни принес Обряд, я приму это с достоинством, потому что мне наконец-то выпал шанс изменить свою судьбу, выбраться из этой душной клетки — жизни под опекой Алисии Грейвз. И этого было достаточно, чтобы заставить себя встать с постели.

С таким настроем утро оказалось куда сноснее. Даже затянувшийся завтрак в общей столовой не испортил мне настроения. Я почти успела завершить свою трапезу, когда дядя и Бен, вежливо попрощавшись, встали из-за стола и направились в кабинет. Я уже собиралась последовать их примеру — сбежать в свою комнату и уткнуться в дневник, — как голос тети остановил меня.

— Ариетта, золото мое, — протянула она с натянутой лаской в голосе, как только слуги убрали остатки посуды и перед нами появился свежесваренный чай, — и ты, Ливиана, — зыркнула она на меня, — задержитесь.

Мы с Ариеттой обменялись короткими взглядами: она смотрела с интересом, я — с настороженностью. Ничего хорошего от разговоров с тетей я не ждала.

— С этого дня вы обе начинаете подготовку к Обряду и предшествующим ему мероприятиям, — продолжила Алисия, сложив руки на столе. — Через две недели отправитесь в Обитель на осмотр, а еще через две состоится ежегодный бал в честь Праздника середины осени. — Она театрально и слишком громко вздохнула. — Мой супруг, — с каплей раздражения в голосе продолжила тетушка, — настоял, чтобы там присутствовала вся семья Грейвз. Вся. — Ее тяжелый взгляд снова упал на меня. — Без исключений.

Я вздрогнула. Это касается и меня. Я, Ливиана, приглашена на светский бал. И мне впервые наконец-то позволят его посетить! Мысль об этом была подобна солнечному лучу, прорвавшемуся сквозь пыльное стекло. Но тут же за ним последовала тень: я не знала ни одного танца, никогда не училась придворному этикету, не имела ни платья, ни аксессуаров, способных выдержать сравнение с нарядами девиц даже из человеческого высшего круга... Что уж говорить о вампирах! Я уже видела, как будет блистать на моем фоне Ариетта — как драгоценный камень, помещенный рядом с необработанной галькой.

Тетя, похоже, прочла мои мысли — или, скорее, предвкусывала эту ситуацию. Но вместо обычного укола она неожиданно выдала:

— Мортимер настоял на том, чтобы для тебя, Ливиана, был нанят учитель. Ты ведь ничему не обучена: ни танцам, ни манерам. А мы не хотим, чтобы ты посрамила нашу высокоуважаемую семью.

Ах, как же это трогательно, тетя! Так и веет заботой!

Она воздела глаза к потолку, будто произносила молитву о терпении.

— Но я нашла более разумное решение: вы с Ариеттой будете заниматься вместе.

Быстрое движение напротив отвлекло меня — Ариетта вскочила со стула так резко, что едва не опрокинула свою чашку.

— Но матушка! Мне это ни к чему! — обиженно воскликнула кузина.

— Ариетта, повторение — мать совершенства, — холодно отрезала Алисия, резко сменив тон. — Благодаря дополнительной подготовке ты будешь на голову выше всех претендентов. А уж в силе твоей крови никто не сомневается, ведь ты Грейвз.

Она протянула руку, похлопала дочь по щеке, и в этот момент я увидела на лице кузины нечто, чего раньше не замечала, — тревогу. Да, мимолетная тень страха промелькнула на лице Ариетты. Интересно, что ее тревожит? Сомневалась ли она хоть на мгновение в том, что покажет ее кровь?

Но стоило ей перевести взгляд на меня, и это выражение мгновенно исчезло. Носик вздернулся вверх, губы-бантики изогнулись в самодовольной усмешке.

— Когда начнется обучение, тетя? — спросила я ровным голосом.

— Как только я найду подходящего наставника. Тебя известят, Ливиана. А теперь ступай. Хватит сидеть тут, мозолить мне глаза и беспокоить ненужными вопросами. У меня и без того дел невпроворот!

Я не стала возражать: поднялась, вежливо попрощалась и вышла из столовой. Сердце продолжало гулко стучать. Не от страха — скорее, от напряжения. От мыслей, что теперь и бал, и подготовка, и сам Обряд приближаются быстрее, чем я готова признать.

Мне нужно было ускориться, прочесть мамин дневник как можно скорее. В этой маленькой книжице могли найтись ответы на еще не заданные мною вопросы. А мне нужно быть готовой ко всему, что предстоит.

Осень окончательно вошла в свои права. В тот день, когда наставница, нанятая тетей Алисией, проводила для меня и Ариетты уже шестой урок, деревья за окнами разукрасились: к зеленому добавились мазки золота и меди, и кое-где мелькали небрежные красные капли. Воздух был свеж, но еще не холоден; солнце светило косо и мягко, а небо становилось все ниже и ощущалось тяжелее. Пришла та самая короткая пора, когда летнее тепло еще живо в воспоминаниях, а зима уже стучит в окна первыми холодными ночами.

В это межсезонье жизнь простых людей начинала замедляться. Маги, связанные с землей, и крестьяне завершали последние работы: собирали остатки урожая, сушили травы, заготавливали на зиму дрова. А вот наверху, в залах дворцов и городских особняков, все только ускорялось: начинался светский сезон.

Как говорила наставница, осень и зима были для вампиров временем особой активности, ведь с удлинением ночи увеличивалась и их сила. Именно в это время проходили все важнейшие светские события. Первым в их череде был бал в честь Праздника середины осени, символизировавшего, что все летние работы завершены и наступает пора замедления, холодов.

Раньше я не особо заостряла на этом внимание. Светский этикет, расписание вампирских балльных сезонов, традиции и обычаи сверхъестественного дворянского общества — все это казалось мне чем-то далеким, как истории о заморских землях, которые рассказывал мне Бен. Но наша наставница мисс Шульцштейн с удовольствием заполнила пробелы в моих знаниях.

Также мы разучивали с ней танцы. Мазурка, задорная и ритмичная, давалась мне легче всего — ноги будто сами знали, как двигаться под эту музыку. Котильон — более сложный, со множеством фигур — требовал внимания, но и он был мне по плечу. А вот вальс... Он стал моим проклятием.

Несмотря на все мои старания, несмотря на то, что Бен вызвался быть моим партнером на уроках, проявив чудеса выдержки и терпения, я то и дело сбивалась, вечно стремилась перехватить ведение, не позволяя себе расслабиться. Танец, созданный для доверия и легкости, превращался в упрямую борьбу двух тел.

Мне оставалось лишь надеяться, что на балу меня не пригласят на вальс. С мазуркой и котильоном я при необходимости справлюсь, а вот на сцену романтики и изящества лучше не выходить вовсе.

Но гораздо хуже, чем танцы, мне давался этикет за столом. Столько приборов, каждый со своим предназначением: ложки для супа и для десертов, ножи для рыбы, закусок и масла, бокалы разных форм для разных напитков — все это напоминало мне поле битвы. Благо на ближайшем балу не предвиделось званого ужина. Я знала, что в зале будут подавать напитки и закуски, которые можно потреть между танцами за беседами. И учитывая, что хозяйка бала — не люди, а вампиры, отсутствие ужина казалось логичным.

«Они ведь не едят человеческую пищу... Или едят? Благая Богиня, да я и половины о них не знаю!» — подумалось мне, когда я возвращалась в свои покои после долгой поездки к портнихе.

Сама поездка оставила ощущение, будто я обычный полевой цветок, случайно оказавшийся в букете из редких орхидей. Весь день я провела в тесной комнатке ателье, слушая, как тетя Алисия с придыханием рассказывает, какая у нее необыкновенная дочь и какие ткани ей полагаются — исключительно лучшие и редкие. Помощницы портнихи причитали, восхищались, ахали, но я уверена, что их восторг был вызван вовсе не прелестями Ари, а размером вознаграждения, которое каждая получит после выполнения заказа.

Мне же полагались три новых платья — не больше. И хорошо, что не меньше. Алисия подчеркнула, что у меня уже есть «несколько выходных нарядов», пусть и давно вышедших из моды. Дополнительные платья, по ее словам, были бы излишеством. Однако, как она добавила с присущей ей язвительной благосклонностью, к каждому платью предполагаются новые туфли и перчатки, а этого мне, сиротке неблагодарной, и так будет достаточно.

Я уже поднималась по лестнице на третий этаж, предвкушая тишину и спокойствие своей комнаты, как за спиной раздался голос тети:

— Ливиана!

Я остановилась и обернулась. Алисия стояла внизу.

— Завтра утром Бенедикт сопровождает тебя и Ариетту в Обитель на предварительный осмотр. Не смей опаздывать! Выезжаете сразу после завтрака. Мои дети не будут ждать.

Сказав это, она резко развернулась, взмахнув юбками, и скрылась за дверями своих покоев, захлопнув их с таким громким звуком, что слышал весь дом.

Я замерла на лестничном пролете еще на пару мгновений, схватившись рукой за перила. «Ни за что не опоздаю, — подумала я. — Я никогда не опаздываю, особенно если речь идет о моем будущем». Тем более завтрашний визит в Обитель имел для меня значение не только как этап подготовки — это была возможность увидеть Селию.

Вчера вечером, когда я уже готовилась ко сну, Анна принесла записку, сложенную вдвое. Развернув ее, я сразу узнала почерк подруги — легкий, небрежный — и прочла: «У меня есть что рассказать в отношении твоих изысканий. Встретимся послезавтра. Я найду тебя после проверки. Селия».

Я улыбнулась, перечитав записку еще раз. Значит, она смогла что-то разузнать! Может быть, ей удалось выяснить, кем была эта женщина — Калия У.

Не хотелось обнадеживать себя без повода, но до Обряда оставалось чуть более месяца, и во мне начало пускаться корни беспокойство. В дневнике мамы я искала не просто информацию, которая помогла бы мне выделиться среди других, — я пыталась найти хоть какой-то намек на причины, по которым моя мать, сильная и красивая, побаивалась Обряда и, кажется, хотела, чтобы и другие девушки его избежали.

Но пока что дневник не давал ответов. Я узнала, что она делала: занималась с наставниками, примеряла новые наряды, посещала целителей — все то же, чем сейчас занята и я. Даже описание маминой поездки в Обитель не содержало ничего необычного, кроме ее постоянного недовольства всем происходящим...

5 сентября 1863 года

Сегодня мы ездили в Обитель.

С самого утра мне было не по себе — и нет, не от страха: я давно разучилась бояться таких вещей. Скорее, от... отвращения? От внутреннего отторжения, которое невозможно описать словами.

Мы с Мортимером прибыли туда к полудню. Залы были светлыми, окна — огромными, стены — отделаны гладким мрамором разных оттенков бежевого и коричневого, таких теплых и приятных, чтобы все в Обители испытывали умиротворение. Но я чувствовала себя как на допросе.

За вежливыми улыбками целителей — мужчин и женщин в одинаковых светло-серых мантиях — не было теплоты. Меня осматривали, измеряли пульс, задавали вопросы о болезнях. Когда дело дошло до специального осмотра, велели лечь на кушетку, и одна из женщин — пожилая, с тонкими и дряхлыми руками — сказала:

— У вас, сударыня, узкий таз. Посмотрим, какие показатели даст кровь на Обряде... Но возможно, вам стоит воздержаться от участия. В данном случае результат может быть... нестабилен.

Тогда я не поняла, на что намекнула эта старая целительница. Что я не смогу выносить и родить вампирского ребенка?..

Сейчас мне не спится. Кажется, я так и не отмылась от запаха, стоявшего в лечебнице. А внизу все еще саднит от их осмотра.

После посещения Обители я уверилась в том, что им нужен всего лишь сосуд для вынашивания вампирского отродья. Я не верю, что маги-целители позаботятся о нас, если что-то пойдет не так, — вампир просто выберет следующую. Человеческие девушки для них — расходный материал.

У меня уже нет выбора: придется пройти этот путь до конца. Но если бы у меня была дочь, я бы сделала все, чтобы она никогда не прошла через это.

Никогда.

Глава 8

Перед Обрядом все девушки чувствуют страх, а после — лишь ненависть друг к другу. И пока не закончится Отбор, мы все становимся врагами.

Из дневника Розалинд, 1863 год

Вид Обители вызвал у меня восторг. Ее кремовые мраморные стены впитывали полуденное солнце, как будто накапливая в себе тепло. Место, где исцеляли тела и души, было отделено от городской суеты и властных высот: Обитель располагалась в стороне от Цитадели Верховных хранителей и монументального королевского замка Нуарвельд. Вокруг простиралась тишина, пронизанная запахами леса и лекарственных трав. Справа к зданию примыкал густой лес, а слева и позади Обители раскинулись идеально ухоженные огороды, теплицы и садовые участки.

Само здание соответствовало описанию мамы, но его красота превзошла все мои ожидания. Особенно меня поразили окна. Каждое из них было витражным — ярким, словно осколки радуги, собранные в причудливый орнамент. В каждом стекле — своя история: цветочные узоры, символы исцеления, древние знаки, и ни один рисунок не повторялся. Над парадным входом возвышалось круглое окно — огромное, как солнечный диск, — в центре которого сиял символ Благой Богини: раскрытая ладонь, из которой исходили лучи. Но напряжение, что поселилось во мне после вчерашнего чтения дневника, все еще оставалось внутри и заставляло не верить внешней величественности этого места.

Наш экипаж остановился у парадного входа, и Бен помог мне и кухне спешиться. Все вместе мы вошли внутрь. Отполированный каменный пол в высоком и светлом холле сиял. В центре зала стоял фонтан с мраморной фигурой женщины; ее глаза были закрыты, а руки распахнуты. Это была Благая Богиня. Вода стекала по ее пальцам, наполняя чашу фонтана внизу, а оттуда возвращалась в круговорот как символ вечного цикла жизни.

Я все еще рассматривала статую, когда к Бену подошел человек в длинной бежевой мантии с таким глубоким капюшоном, что его лицо было почти полностью скрыто в тени. После короткого обмена фразами с этим человеком Бен направился к нам.

— Вас уже ждут, — сказал он, бросив взгляд сперва на Ариетту, а потом на меня. В его тоне слышалось сочувствие. — Сейчас к каждой из вас подойдет аколитус, и они сопроводят вас на осмотр. А я подожду здесь. — Он указал на полукруглые скамьи вдоль стен: резные, темные, с мягкими сиденьями.

Я молча кивнула. Все было предельно понятно, но сердцу от этого легче не становилось.

Ариетта стояла прямо, будто к ее спине приклеили палку. И я заметила, как от нервозности она крутит руки. Значит, тоже переживает. Не знаю, понимала ли кузина, что ждет нас на осмотре. Благодаря маминему дневнику я имела хоть какое-то представление о том, что будет происходить, и это не умаляло моей тревоги.

Внезапно мне захотелось хоть немного приободрить ее, сказать, что не стоит так беспокоиться. Но я знала: любое проявление сочувствия Ари примет за насмешку. А если я случайно обмолвлюсь о том, что прочла в дневнике мамы... Этого лучше не допускать.

Мы были не единственными участницами, которых привезли на осмотр, в холле Обители. Я бросила взгляд на ближайшую к нам пару — девушку и, видимо, ее отца. Она ответила мне холодным взглядом и поспешно отвернулась. Хм, интересно... Неужели конкуренция начинается уже здесь?

Мое внимание отвлекла группа людей, которые вошли в холл. Организованной колонной они двигались вокруг фонтана, и тут от группы отделились две фигуры в бежевых одеждах. Они начали приближаться к нам, ступая так тихо, будто скользили по полу. Невозможно было сказать, кто перед нами: мужчины или женщины. Возраст, черты лица — все скрывали широ-

кие капюшоны и объемная одежда. В этом, наверное, и заключалась суть их служения: оставить свою личность и быть частью общего дела.

Когда один из них подошел ко мне, я все же уловила: он был молод. Лицо спокойное, почти безмятежное; глаза ясные, чуть раскосые. Он протянул ко мне руку, но не коснулся, а другой указал направление, в котором приглашал проследовать за ним. Аколитус, подошедший к Ариетте, сделал то же самое. И мы двинулись вслед за ними вглубь Обители.

Спустя несколько поворотов мы оказались в длинном коридоре. Справа и слева находились небольшие комнатки для частных осмотров. Ариетта и ее сопровождающий зашли в одну из них, а меня направили в ту, что напротив.

Она была совсем крошечной и аскетичной, как келья монаха. Свет проникал внутрь через узкое высокое окно, рассеиваясь по гладким бежевым стенам. Никаких украшений или ярких цветов — все здесь говорило о сосредоточенности. Справа у стены, под окном, стояла кушетка, застеленная тонким стеганым покрывалом, рядом — деревянный стол со стоящим сверху распахнутым ящиком. Внутри него покоились баночки с цветными жидкостями, камни, покрытые рунами, инструменты разных форм.

Мой сопровождающий — юноша в светло-кремовой мантии с капюшоном, откинутым назад, — кивнул мне с вежливой учтивостью и указал на кушетку.

— Присаживайтесь, пожалуйста. — Его голос звучал мягко и ровно. — Меня зовут Ален. Недавно мне присвоили степень младшего люминариса и разрешили проводить базовые осмотры перед Обрядом. Не волнуйтесь, все пройдет быстро и безболезненно.

Я кивнула и села, сложив руки на коленях. Сердце заметно забилося от неизвестности. Я старалась не выдать волнение и успокоиться, наблюдая за действиями мага-целителя.

— Начнем с общего осмотра. Разрешите?

Я вновь кивнула.

Ален подошел ближе и, не прикасаясь, провел рукой над моим лбом, затем — над грудной клеткой. Его пальцы слегка светились мягким голубым сиянием, и мне показалось, будто через кожу проникает приятное тепло, но при этом я не почувствовала ни жжения, ни боли — только небольшое давление.

Его взгляд на секунду задержался на моем лице.

— Сердцебиение ритмичное. А вот уровень витальности... повышенный. Интересно!

Я не ответила — вообще молчала как рыба, боясь что-то сказать, с того момента, как рассталась с Беном в холле. Я впервые столкнулась с миром магии, и все во мне сейчас трепетало от новых ощущений. Боялась, что если открою рот, из меня вырвутся все те тысячи вопросов, которые так хотелось задать, чтобы разузнать об этом месте, о жизни этих людей побольше. Каково это — жить, зная, что в тебе есть магия, и чувствуя, как сила течет внутри? Каково это — знать, что ты часть чего-то большего?

— Теперь сам осмотр, — продолжил Ален. — Прошу вас прилечь.

Я посмотрела на него в нерешительности.

— Мне нужно... что-то снимать?

— Нет, мисс. Это не требуется.

Я уж было потянулась к подолу юбки, чтобы поднять его, как вдруг сказанное аколитусом дошло до меня, и я поняла, что от меня не требуют того же, чего требовали от матери. Это хороший знак! Возможно, в наши дни процесс осмотра не так ужасен, как в былые годы.

Я забралась на кушетку и улеглась. Тем временем Ален достал из ящика овальный камень, на котором была выгравирована сложная руна — ромб с расходящимися от него линиями.

— Это Ингуз — руна плодородия и нового начала, — объяснил он. — Она покажет вашу фертильность, готовность к зачатию, а также, — Ален немного смутился, — подтвердит девственность.

Я ощутила, как вспыхнули щеки. Я-то точно знала, что чиста, но от этого осмотра зависело многое, поэтому мне оставалось лишь надеяться, что его камень не сбоит.

Ален положил руну мне на живот. Камень был холодным и увесистым. Через мгновение, когда целитель поднес к нему ладонь, в руне запульсировало сияние, и камень слегка нагрелся. Ощущение было приятным, несмотря на то, что спустя пару мгновений камень стал горячим.

— Все в порядке, — сказал Ален. — Структура тканей без нарушений. Цикл стабильный. Фертильность высокая. Вы девственны.

Он записал результаты в кожаную тетрадь, а затем протянул мне серебряную чашу и иглу: — Теперь кровь. Много не надо — лишь пару-тройку капель.

Я уколола палец и подержала его над чашей. После этого Ален открыл флакон с прозрачной жидкостью и добавил ее туда же. Жидкость в сосуде вспыхнула алым — насыщенным, рубиновым, — но в самом центре на миг вспыхнул почти незаметный золотой отблеск. Словно крошечное солнце, затерянное в глубине крови.

Я посмотрела на Алена. Он нахмурился, поджал губы, но уже через миг выражение его лица снова стало нейтральным. Он вылил содержимое чаши в ведро на полу, вытер миску и тихо, не глядя на меня, произнес:

— Все в норме. — Его голос чуть дрогнул.

Я хотела спросить, что означает такой результат, но аколитус уже отложил флакон с миской в сторону и встал передо мной.

— Последний этап — энергетическое сканирование. Снимите обувь и встаньте, пожалуйста, в круг.

Это что-то новенькое! В дневнике о таком не говорилось...

Ален жестом указал на место у кушетки, где и правда был изображен круг, по периметру которого располагались неизвестные мне руны. Я не стала уточнять их назначение и просто прошла в центр этой фигуры. Когда обе мои ступни оказались внутри, руны одна за другой вспыхнули разными цветами: синим, красным, зеленым, желтым. Один символ под левой ногой вдруг ослепительно загорелся белым — так ярко, что Ален отпрянул и прикрыл глаза. Его лицо снова на миг омрачилось.

Он подошел ближе, провел руками по воздуху — от моих плеч до колен. Магический свет колебался между нами, как зыбкое зеркало. Я стояла и ждала, но он ничего не объяснил.

— Эта часть завершена. В скором времени к вам подойдет аколитус-женщина и проведет физический осмотр. Да прибудет с вами Богиня! — Сказав это, Ален сделал последние записи и выбежал из комнаты, так и не озвучив мне результаты энергетического сканирования.

Мне было не по себе, ведь я не знала конечного результата осмотра. Прохожу ли я? О чем ему сказали все эти манипуляции?

В ожидании я обводила глазами маленькую комнатку, пока мой взгляд не остановился на ящике, который все еще оставался открытым. Любопытство взяло верх, и я подседа поближе к столу, чтобы заглянуть внутрь.

Маленькие бутылки с жидкостями разных цветов, баночки с сушеными травами и камни с нанесенными рунами. Я слегка касалась то одного, то другого предмета, пока мое внимание не привлекла руна, лежавшая в отдельном отсеке ящика. Рука зависла над камнем, и я почувствовала тепло, хотя не касалась его. На мгновение ладонь вспыхнула бело-золотым светом, и я отдернула ее, будто от ожога. Но на ней ничего не было. Я уставилась на свою правую ладонь, не видя ничего необычного.

Дверь в комнату быстро распахнулась, я резко отпрянула от ящика и села на кушетке как можно дальше от стола. Внутри вошла целительница. Она двигалась быстрее, чем все те, кого я видела сегодня в холле, а когда повернулась, я поняла почему.

— Селия?! — Я вскочила с кушетки и, забыв о приличиях, бросилась к ней.

Мы крепко обнялись.

— Привет, Ливи! У нас не так много времени, — сказала она быстро, уже отстраняясь. В ее голосе звучала решительность. — Садись.

Я послушалась, наблюдая, как Селия подлетела к столу, схватила тетрадь и сделала пару быстрых пометок. Движения ее были порывистыми, взгляд — сосредоточенным.

— Насчет Калии У., — начала она, но я тут же вскинула руку, перебивая:

— Подожди. А как же осмотр?

Селия махнула рукой, усмехнувшись:

— Не переживай! Я знаю, что младенец точно пролезет через твои тазовые кости. — Мы обе рассмеялись, прикрывая рот рукой, как в детстве. Затем Селия понизила голос: — Итак, Калия У. Мне удалось добраться до архивных записей — Хроник целителей. Я сверила даты и наткнулась на одну Калию с фамилией Уинтроп. Она действительно служила в Обители в то же время, когда твоя мать проходила подготовку к Обряду. Более того, она была не просто целительницей, а старшим люминарисом. Опытнейшая травница! Руководила сразу несколькими садами и обучала аколитусов. Но...

— Но? — Я подалась вперед.

— После Обряда 1863 года ее имя более нигде не упоминается. Словно она была и просто...

— ...исчезла?

— Да, из всех последующих записей. — Селия села напротив и взяла меня за руки. — Я попытаюсь разузнать больше, но для этого мне нужно перевестись в травничье крыло. Там другие архивы, к которым у меня пока нет доступа.

— Ты уверена, что стоит заходить так далеко? — прошептала я, чуть отстраняясь. — Вдруг это просто совпадение? Возможно, я придала слишком много значения одному имени...

— Лив, в чем я точно уверена, так это в том, что, если ты что-то чувствуешь, значит, там что-то есть. А даже если нет... — она подмигнула, — то немного приключений в моей жизни не помешают. В лечебнице все слишком предсказуемо! А если я смогу убедить своих наставников, будто хочу стать аколитусом-универсалом, никто и не заподозрит, что я что-то разношью.

Я улыбнулась подруге и почувствовала, как беспокойство, гнездившееся в груди весь день, немного ослабло.

Селия встала и протянула мне руку:

— Идем! Я провожу тебя к Бену.

Мы вышли в коридор. Стали слышны наши тихие шаги по каменному полу. Воздух в Обители казался свежим и живым, пахло шалфеем и мятой. Селия шла на пару шагов впереди.

— Откуда ты знаешь, что нас сопровождает именно он? — прищурилась я, приподнимая бровь.

Сначала она сделала вид, что не поняла вопроса, но потом все-таки прошептала, отводя взгляд:

— Видела его в холле, когда спешила к тебе. Вот и повод поприветствовать его официально!

Я заметила, что ее щеки едва уловимо порозовели, и улыбнулась, но ничего не сказала. Если между ними зарождаются чувства, пусть все идет своим чередом. Сердечные дела — вещь тонкая.

Задумавшись об этом, я не заметила, как Селия резко свернула, и, поспешив за ней, вдруг на кого-то налетела. Мы ухватились за руки друг друга, чтобы не упасть, и на мгновение мне показалось, что я очутилась совсем в другом месте. Я моргнула — и вместо мраморного пола у меня под ногами оказался дощатый пол. Подняла глаза — увидела лестницу, а под ней — груды хлама. Там, среди пыли и разбросанных ящиков, обхватив руками колени, сидела девочка лет шести. Она беззвучно плакала, и слезы текли по грязным щекам. Протянутая вперед ладошка дрожала, будто малышка пыталась что-то достать или от кого-то защититься.

Я обернулась — и сердце ухнуло в пятки. На каменном постаменте с кинжалом в груди лежала женщина. Ее стеклянные глаза были распахнуты, мертвые руки свисали вниз, и одна из них словно тянулась к девочке.

— Мапочка... — прошептала малышка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.